

СМЕНА

22
1957

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Рисунок В. Орлова

Музыка М. СИДРЕРА.

Слова М. ЛАПИРОВА.

Выстрел

«Авроры»

Шумело осенне море;
Под кровом ночной синевы
Неслишко вошла до рассвета

В широком устье Невы. «Аврора»

Теснились на палубе люди,
Тревожно стучали сердца,
На были новыми орудий

На вспышки стены двери.

И слушали в скрови молчанье
Матросский подтянутый строй:
«Балтицы», на! Ленин зовет

на восстание,
В последний, решительный бой!

Отряды матросов с «Авроры»
Все в боевые рабочие ряды.
Осталось у пушек один комондоры
И юдаль сигнала с земли.

Рассыпал холодным искры,
Ракета над Зимним взмыла,
И грянул над городом пушечный
Он мир угнетенных потряс,

В те дни копытцами свободы
Называли мы город-герой,
И подвиг «Авроры» в сердцах
Остался легендой низой.

ВЕЛИКИЙ ПРАЗДНИК

Торжественно и радостно отметила страну 40-ю годовщину Великой Октябрьской социалистической революции. Сорок лет!.. Отгромный путь пройден советским народом. Под мудрым руководством Коммунистической партии наша страна стала одной из самых могущественных держав. Горы вдохновленного труда и героической борьбы увеличались всемирно-историческими победами. Они вызывают чувство законной гордости у советских людей. Ими восхищаются все передовые прогрессивные человеческие силы. Их создают атомная энергетика, самая мощная в мире синкофазotron, межконтинентальная баллистическая ракета. Новым триумфом отечественной науки и техники явился запуск искусственного спутника Земли, новый символ свободы и своей стремительной космической гонки. Для советских людей, вдохновленных лучезарными идеями коммунизма, нет непреодолимых преград. С каждым годом становятся все краски и богаче наша любимая Отчизна, идущая по ленинскому пути.

На фото — вверху — заседание юбилейной сессии Верховного Совета СССР, посвященное 40-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. С докладом выступает товарищ Н. С. Хрущев. Внизу — в предэпидемической сессии товарищ Н. С. Хрущев и Мао Цзэдун.

Фото Дм. Бальтерманца и А. Новикова.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ. Ноябрь. № 22. 1957 год

Год
издания
34-й

Москва. 7 ноября 1957 года. Военный парад на Красной площади. Вот она, грозная боевая техника Страны Советов!

Москва. 7 ноября 1957 года.
1. Праздничная колонна будущих
сталинградцев по улице Гоголевской.
2. Группа демонстрантов на Красной
площади. 3. Идет спортивная
манифестация студентов. Зарубежные
гости приветствуют демонстрантов
на одной из московских улиц.

Фото А. Гостева,
Г. Дубинского и
А. Устинова.

Б Е Л Ь Е А С Т Р Ы

Рассказ

Рисунок П. Пинкисевича.

Мы вместе живем в студенческом общежитии: я, Рита, Зоська и Валентина. Мы — одна из трех групп учениц на одном курсе... За четыре года мы очень смылись, сдружились. Каждая знает все о своих подругах. Письма из дома мы читаем вслух, посыпки открываем, когда все в сборе, и лакомимся домашней снедью поровну. Мы вместе готовимся к семинарам и экзаменам, читаем — по кругу — один книги, всей компанией бегаем в кино. А когда получаем стипендию, обязательно отправляемся в кафе и заказываем на четверых торт из мороженого.

Вечерами к нам приходит ребята — однокурсники, аспиранты, молодые преподаватели, на лекции которых неизменно приходят, чтобы поговорить с Зоськой... о поззии. Это чтобы подразнить ее. Разговора такого Зоська, как огня, боится. Еще на первом курсе оставила она случайно в аудитории заветную свою тетрадь — толстую, в клеенчатом переплете. Даже мы не знали прежде о существовании этой тетради, не догадывались, что Зоська пишет стихи.

Ленек Попков, которому попала в руки эта тетрадь, не только прочел ее всю, от корешка до конца, но и показал ее другим, даже если бы только расскажал. Он устроил у себя в комнате коллективную читателю и потом что-то вроде читательской конференции. А в конце концов Ленек — зосека — пригласил к себе из соседних ребят пришли.

Зоська, как узнала обо всем этом, убежала из дома и три ночи в своей двоюродной тетушки ногачала. На ее месте убежал бы любой. Стихи-то ведь были особенные: любовные, написанные «только для себя». И больше половины их было посвящено... самому Ленеку Попкову.

...Ровно в двенадцать мы выставляем ребят за дверь. Валентина выключает радио и выдергивает свет. Ее кровать — это края от изголовья и репродиктора, но выключает радио и свет не всегда получается. Потому что никто из нас троих этого не сделает. В двенадцать не хочется еще спать, а по радио передают ночью такие интересные концерты...

Очнувшись в постели, мы обязательно сначала помочимся, а потом кто-нибудь не выдергивает и заведет разговор. В темноте мы больше всего говорим... о любви. Рита начинает рассказывать преподавателя политэкономии Степана Антонича, от которого она была увлечена и которого я, Зоська и Валентина ненавидим за строгость. Валентина своим спокойным, грудным голосом тоже скажет что-нибудь очень хорошее о своем Борисе. И еще доба-

вит, что любовь — это самое что ни на есть дорогое, прекрасное чувство. Именно оно делает человека счастливым.

Валентина говорит о любви тепло-тепло, и мы знаем, что при этом она хорошо, светло улыбается.

Каждый раз ее возмущенно перебивает своим резким, пронзительным голосом Зоська. Зоська теперь такого личного мнения. Ленек Попков считает ее болтуньей. Волнуясь и раздражаясь, она кричит, что мальчишки все дряни, хастуны и обманщики, что не под силу им такое большое чувство, как любовь. Что любить их нельзя, любить их не за что и что она никогда в жизни никого, кроме мамы и нас троих, не полюбит.

Наконец расплываясь, Зоська гневно умолкает, и я чувствую, что тоже очень хочу сказать о своем... Но подруги ко мне почему-то относятся несерьезно. Я знаю об этом и всякий раз подбираю перед тем, как решусь сказать им о самом сокровенном. Бывает, и совсем промолчу. В таком случае они сами спросят:

— Ну, а тебе, Тоська?.. Ко мне опять приводят?

Волей-неволей приходится отвечать.

Я открываю душу. Говорю честно, что понравился теперь комсорг с исторического факультета, что, конечно, он красив и умнее Жени Можова и, если пригласят меня когда-нибудь в кино или театр, непременно пойду.

Мне, конечно, никогда не дают договориться все до конца. Зоська срывает с постели, перебегает ко мне и над самым ухом начинает заклинание:

— Господи! Девочки! Ну, посмотрите на эту дурку!

В комнате темно, и увидеть меня, конечно, невозможно.

— Что ты, Тоська, за человек? — не унимается Зоська и протягивает руки к самому моему носу... Как ты можешь смыть раза на неделю влюбляться...

Я отворачиваю лицо, потому что Зоська, если она заслонится, очень сильно блескинет. Она опять наступает, опять кричит, что я дуря и что из-за таких, как я, наши институтские мальчишки слишком много о себе думают.

Я лежу у самой стены, помягкою и с нетерпением жду, когда наконец Зоська устанет кричать и оставит меня в покое. Но Зоська сама говорила и кричала из нас. Если ее не остановить, может, наверное, до утра ругать меня, сидеть и размахивать руками перед носом...

— Зоська! — говорит Валентина. — Иди к себе. Не мешай спать.

Она говорит это и спокойно и властно. Так что ослушаться нельзя. Зоська поднимается на носки с моей кровати и, шлепая босыми ногами, бредет к себе, в дальний угол комнаты.

Больше уже никто не произносит ни слова. Я даже стараюсь не дышать, притягиваясь, будто сплю. А то Зоська опять может привыкнуть.

После такого разговора мне всегда становится грустно. Во мне поднимается обида на девят, и я даю себе слово не рассказывать больше им о своих сердечных делах.

А утром Зоська сама первая заводит со мной разговор, сама наливает мне чай, намазывает булку маслом и разрешает, если я действительно пойду когда-нибудь с комсоргом в театр, надеть ее модный спортивный костюм с тремя замками-молниями на курточке.

Я пытаюсь отвечать как можнодержаннее и замечу, между прочим, что в спортивных куртках, на сколько бы замков они ни застегивались, в театре идти неприлично. Надпись Зоськой чай пью нехотя и оставляю недопитым... Но когда Зоська за пять минут до начала лекции начинает риться в тумбочке и не находит там своих тетрадей, мне становится ее жаль. Я бросаюсь по очереди ко всем другим тумбочкам, переворачиваю в них все вверх дном и обязательно нахожу... Зоськин вешец. Но чтобы отыскать ее за некоторой удачей, мне приходится искать. Но, бегом через дверь в учебный корпус и с улицы слышу звонистый нетерпеливый звонок.

Рита и Валентина давно в аудитории. Они уходят вдвоем, не дожидаясь нас, и всякий

раз, когда мы опаздываем, возмущенно шепчутся и бросают на нас уничтожающие взгляда.

Так мы и живем. Вернее, так мы жили прежде, до нынешней осени. В сентябре, в первые дни занятий, у нас произошло вот что,

Утром, когда мы с Зоськой еще пили чай, а Валентина спала, Рита уже собиралась идти в институт, в дверь громко и неистово постучала. Рита вышла в коридор и тут же вскрыла крикуну:

— Валентина, плаши! Телеграмма...

Валентина вышла в коридор и вернулась сияющей. Полоска на ближайшую к двери кровати книги, спокойно раскрыла телеграмму и внезапно переменилась в лице. Потом испуганно взглянула на нас, как была, без книг, без шапки, выбежала на улицу.

Мы растерялись. А когда убежали следом, Валентина во дворе уже не было. Но лекции в этот день ее не было тоже.

Валентина вернулась намного раньше в двенадцать, и, заглянув на нас, сразу же выключила радио и погасила свет. Пальто сняла в темноте, на щеку прошла к своей юбке, разделилась и, не проронив ни слова, легла. Мы тоже промолчали и уснули на этот раз, так и не поговорив о любви.

Утром Рита направник спросила Валентину:

— Что в телеграмме?

Валентина долго молчала, и мне представились в это время самые ужасные картины. Тяжело заболела мама... Попал под трамвай ее младший случайный братишко... Умер Борис... При этой мысли я опустила другую половину холода, что всплыла со стороны стулов и длинных ширстяных плаков и закутала в него плечи.

Валентина покачала, в Рите с мольбой в голосе упрашивала ее:

— Скажи, не скрывай от нас... Может, помочь сумев...

— От кого... телеграмма? — ахнула осторожно Зоська.

Валентина вздохнула и опустила глаза.

— От Бориса...

Мне стало еще холоднее.

— Ну! — чюхнула проговорила Рита.

Валентина с трудом подняла голову и так же, с трудом, пробурчала:

— Честное слово! Пишите приду скоро.

Валентина прятала от нас глаза, и мы чувствовали, что она нас стесняется, боится расспросов. Даже любопытная Зоська, и та смолчала. Я видела, каких усилий ей это стоило.

Образовалась неловкая пауза, и, чтобы хоть как-то разрядить обстановку, Рита громко и пересек член залитературно спросила Валентину:

— У нас по политэкономии лекция сегодня или семинар?

Мы все четверо прекрасно знали, что семинар. Рита сама накануне всея вечер в читальном зале готовилась.

«Ой, беда, ведь семинар!» — как бы спохватилась Валентина. — А я чуть конспекты не оставила...

Тетрадь с конспектами по политэкономии лежала у нее под руками, и, конечно, она не забыла бы взять ее.

Дипломатический ход удалось: к разговору о телеграмме мы больше не вернулись. Валентина посмотрела на нас благородным взглядом. Поправив перед зеркалом волосы, накинула плащ и, как прежде, дождавшись Риту, ушла на лекцию.

Тогда вернулась за ними дверь, Зоська вскрыла руки...

— Ты подумай, приезжает! А на Валентине лица нет. Будто не радость, а несчастье сваилось на ее плечи. Странная...

Действительно, Валентина вдруг стала совсем другой, странной. Прежде она все-все рассказывала нам о себе и о своем Борисе. Рассказывала теплым, спокойным голосом. Читала нам письма Бориса и даже свою письма к нему.

Мы знали, что встретились с ним Валентина два года назад в Горьком, когда проходила там практика. Борис был там по диплом служебной командировкой. Начали встречаться. Познакомились и стали вместе проводить теплые летние вечера. Катались в воскресенье по Волге, усаживали купаться на Моковые горы.

Валентина рассказывала в письмах о хорошем супружестве, интересном человеке — Борисе Петровиче Чернове. Она рассказывала его прекрасную профессию архитектора, восхищалась умением Бориса держаться с людьми, его порядочностью, неподдельным вниманием к ней. Она замечала в нем прекрасное качество — большую человеческую щедрость.

Потом, вдруг, Валентина перестала упоминать в письмах имя своего нового знакомого, и мы поняли, что она влюбилась. Стала отправлять нам коротенькие записочки с восторженными фразами о хорошей погоде, прекрасной Волге, интересной практике. Обычно сдержанная и далекая от сентиментальности, она на письмах своим склонением, пересыпалась коротенькими фразами множеством восхитительных эпитетов, а в конце обязательно писала «целую» и еще какие-нибудь нежности.

Вернулась Валентина из Горького светлая, восторженная, счастливая. Всех нас расцеловала, всем преподнесла подарки. Такой мы ее никогда прежде не видели. Я подумала даже, что от дружбы с Борисом и в ней, Валентине, прибавлялось душевной щедрости.

Рита заглянула пристально в искающиеся Валентиной глаза и добродушно покачала головой:

— Девочки! Да ведь с ней что-то случилось...

— Случи-лось! — весело согласилась Валентина. Ой, что случилось!..

И она рассказывала нам тогда о своей любви, о Борисе.

Такое случилось с Валентиной впервые. Гордая и самодовольная, она слишком холодна относилась ко всем своим ухаживаниям со стороны наших институтских ребят. Была доброй и внимательной к тем, кто в ней видел товарища, и круто менялась, доходила до грубости в отношении к тем, которые пытались перешагнуть сияющую черту товарищества.

Я очень не любила Бориса. Валентина это knew. Обычно я не чувствовала и бессердечно думала, что поступают она истинственно. Я и до сих пор считаю, что нельзя не царить хороших человеческих чувств, надо обходиться с ними осторожно и бережно. Конечно, девчата над этим моими убеждениями кротко смеются. На тебя, говорят, случайно кто-нибудь взглянет, а ты потом ночь не спишь. О любви фантазируешь...

И еще не нравилось мне, что Валентина как-то уж слишком дорожит своим не появившимися еще чувством. Словно кто-то один во всем мире достоин ее внимания. И этот единственным человек должен быть особенным: умным, талантливым, красивым, сильным... По крайней мере же таким, как ребята с нашего курса. Я считала, что такого человека ей и не встретить, и в душе очень желала подругу. Плохо ведь, если человек проживет всю жизнь не любя. А Валентина и так старше нас всех. Ей уже двадцать пять лет.

...Мы с Зоськой подивились на странное поведение Валентины. Решили, что она растерялась от счастья. Наверное, бывает так в жизни: ждет человека своего счастья, мечтает о нем, зовет его, видит, какое оно должно быть. А придет к нему это счастье, и окажется друг, что не боится и не рискует, чем подарила. Жаль, что человек не готов принять его. Не вмешается оно, такое, в его сердце. Как перед таким счастьем не растеряться, как не испугаться его!

Мне кажется, есть даже люди, которые от большого счастья откажутся. Откажутся и возьмут себе маленько, удобное, на которое другой не позарится, которое не надо беречь, за которое не надо дрататься, которое просто-напросто дешевле стоит. Это я не о Валентине говорю. Это я так, к слову.

А я... Ей большое счастье, как и большое чувство, по плечу.

...На лекцию мы с Зоськой в этот раз опять опоздали.

— Когда же он наконец приезжает? — теребили мы Валентину, и она всякий раз неопределенно отвечала.

— Скорее в этом месяце. Зоська бледнела больше других. Выпросила у техники два чехла цветка и поставила их на подоконник. Купила репродукцию «Неутешного горя» Крамского, вставила в рамку и повесила над кроватью Валентину.

Я как глянула на эту репродукцию, так и обмерла. Стоит убитым горем женщинам в черном платье и грустными-рустыми глазами смотрят на нас с Зоськой.

— Ты с ума сошла! — только и могла говорить я. — Выбрала тоже...

— Не выбрала, — тихо сказала Зоська.— Там только одна эта картина и была.

...Зоська еще раз спросила: «Когда?», — и Валентина ответила наконец: «Завтра!»

Назавтра мы все готовы были встречать Бориса. Поезд из Ленинграда приходил в шесть вечера, а в четыре Зоська уже вертелеась у зеркала, примеряя то мой берет, то Ритину шапку, то кашемировую косынку. Она все не могла решить, что ей лучше к лицу, нервничала, меняясь прически. Рита не выдержала и зло заметила:

— А ведь ты, Зоська, между прочим, совсем не привлекаешь мужчин. И покорившись кому-то не хочешь.

Зоська покраснела, шмыгнула на стол Риты шляпку.

Меня возмутили Ритины придирки.

— Человек всегда должен стремиться к краснению. Во всем. Даже в прическе! — сказала я ей. — Великий русский писатель Чехов...

— Помолчи! — отмахнулась от меня Рита, — тебе знаю!

Я все-таки сказала, что о красоте говорил Чехов. И еще добавила, что Борис, конечно, приятнее будет ныть Валентину подругу привлекательными. Я надела свое самое красивое платье и приползла к нему букетик искусственных фрезий.

Рита тоже хотела и ворчала, но надела новый коротковатый костюм, а под жакет — исклоняющую для красоты — голубой газовый шарф-факс.

Мы были готовы. А Валентина еще не пришла из института.

Наконец она появилась. Недоумевающе оглядывала нас, покачала головой.

— Что это?

А когда поняла, нахмурилась.

— Не надо, девочки. Не ходите со мной.

Мы ее уговорили, уприняли, обещали, что будем держаться в стороне, даже к вагону не подойдем. Валентина села на скамейку.

— Я одна. Иначе он будет чувствовать себя невольником.

И мы сидели. Рита сняла с себя голубой шарф-факс и грустно сказала:

— Пожалуй, Валентина права... Получилось бы, что смотрину устроимся,

И мы в этот раз не обиделись на подругу. Мы хорошо знали: Валентина — умница, чуткий, тактичный человек. Она делает как лучше.

Зоська взяла из нашей общей кассы денег и убежала в кафе покупать в честь приезда Бориса торт-мороженое. Рита присела на подоконник у тумбочки, а я пошла к учебному кабинету, заcher ее новый чайный сервиз, который три дня назад мы купили ей в складчину на день рождения.

— Комнатка наша давно уже сияла чистотой, стоя была накрыта, посередине его стояла коробка с тортом. Мы сидели, смотрели на часы, на дверь, на торт, друг на друга. Мы ждали и не могли дождаться.

Часы показывали восемь, потом девять. Зоська сбегала за ворота и возвращалась скучная.

— Не иди! А торт уже потек...

Мы решили, что опоздали.

В десерт Рита высыпала из коробки бесформенную массу из глубокой тарелки, и стоя сразу утерла свою ладонь о юбку.

Валентина пришла в одиннадцать. Пришла одна, с огромным букетом цветов в руках. Села у столова, стала мне, мне показалось, внимательна. Тихо улыбнулась, обняла нас с Зоськой за плечи.

— Хорошие вы мои...

Сказала она это с грустью, и я поняла так: Валентина печалится о том, что немножко расставания с нами. Не может же она, выйдя замуж, оставаться в общежитии!

Поэтому мы привыкли к мысли, что Борис в общежитии не будет. Решили, что Валентина сглестается показать нам, науки там винтую свою любовь, покраснеет, станет «солдатским» одеванием. А может быть, сглестается и нас покажет. Мы с Зоськой, покажу, произведем бы невыгодное впечатление. Недаром Рита говорит про нас, что в обществе себя держать не умеем.

За собой я, прадра, не замечала такого, а вот Зоська действительно не умеет: всегда много и громко говорит, кричит даже. Руками перед носом собеседника размахивает, а споря может даже какими-нибудь грубым словом обозвать.

Мы уж сколько раз на эту тему в комнате серьезный разговор поднимали. Только не в нее не действует.

Ну, а меня Валентина, наверное, решала убречь от этого разговора. Такой человек, как Борис, мне показался, с первого взгляда мог бы покоризиться... Только уж на этот раз я ни за что не выдала бы себя. Даже если бы очень влюбился.

И каких бы страданий ни стоило, подавила в себе эту любовь.

Так или иначе, получилось, что Валентина нам, лучшим своим друзьям, вроде не доверяла. Но для нас было главное — счастье подруги. И перед этим терпли свое значение всякие там обиды и наши мелкие переживания.

С приездом Бориса Валентина заметно отошла от нас. Она часто уходила из общежития сразу после лекций, а возвращалась поздним вечером. Обязательно ульбаясь и немножко задумчивой. Объясняла с бухгалтером. Ее всегда спрашивали, где была, отвечала некогда в коротко: «В кино...», «В парке...»

К нам, мы спрашивали. Было ясно, что с ним, с Борисом. И кто подарил цветы, тоже не спрашивали...

Зоська обычно брала эти цветы из рук Валентины, подправляла стебли, наливала в стеклянную консервную банку воды и ставила свежий букет на тумбочку перед кроватью своей чистенькой подруги. Те цветы, что были принесены, накануне, переставляла с Валентиной тумбочки к комоду-нибудь из нас. Таким образом, на пятые сутки после приезда Бориса появились цветы и цветы крахмаки. Правда, они умирали быстрее. Но дерево было приятно смотреть. Прямо... и немного грустно. Мне ведь еще никто никогда не дарил цветов. А цветы — это очень красивые.

Серые суконные одеяла уже не так безобразны были нашу комнату. Каждый, кто входил, прежде всего замечал цветы.

Чтобы выглядели они еще наряднее, Зоська купила в универмаге красную фарфоровую вазу. Купила, не спросив нас, хотя деньги взяла из общей кассы. Объяснила потом свой поступок довольно просто:

— Скажи вам, так я бы называлась, Рита скрупульно, — я бы называлась, соглашалась. А с тобой мы разошлись.

Рита недовольно засунула губу, но ругать Зоську не стала. Я рассмотрела вазу и осталась довольна ею. Валентины дома не было. Мы, конечно, определили эту вазу под цветы на ее тумбочку. И договорились: если Валентина будет уезжать из общежития, подарить вазу на память.

В воскресенье я увидела на тумбочке у Валентины дорогие духи. У меня таких, конечно, никогда не было. Да и не только у меня... Обычно мы покупали в день получения — стипендии — на все четверть один маленький фланкеник. Да и дошлиностью только Валентина и Рита. Мы с Зоськой забывали.

Я поняла, что на тумбочке у Валентины — подарок Бориса.

— Сколько себя помню, я всегда презирала подарки и подношения. Мне казалось, делают их, чтобы подкупить, задобрить человека, расположить его к себе. В моем представлении подарки походили на взятки. И только к маиним подаркам я относилась свято. Радовалась им, принимала с огромной благодарностью, ждала их. Потому что считала: только мама может быть бескорыстной. Впрочем, кроме мамы, мне в детстве никто ничего и не дарил. Может быть, потому, что, кроме мамы, у меня никого и не было.

И еще не было тех подарков, которые делешеши между собой на прилавке в день рождения, ценили дороже сердечного поздравления и неподдельно искренних пожеланий.

Помимо, еще в детстве я на этой же почве поссорилась со своей лучшей подругой, Иринкой. Весь февраль мы тайком коляли деньги, чтобы купить к Восьмому марта подарки мамам. Экономили на завтраках в школе, не ходили в кино. Утром торжественного дня вместе отправлялись в магазин. И тут оказалось, что на пятнадцать рублей никак не хватало, то есть что я хотела подарить маме. Подружка Ирина сказала, что я должна буду подарить маме цветочки, и я согласилась. Ирина же, несмотря на то, что я позорилась перед ней, все равно купила цветочки и позорилась перед ней и такое же блеско.

А я все стояла возле какой-то хрустальной вазы стоимостью в несколько сот рублей. Ирина с трудом отщипнула меня от витрины, и мы попали в отдел текстиля.

Тут мне понравился голубой шелк в крупных белых горошинках. Я представила себе маму в нарядном и легком плаще из этого материала. И мне страшно захотелось, чтобы он лежал красный кожаный кошелек для мелочи. И цена значилась: «14—50».

— Возьми, как раз денег хватит! А если маме не подойдет, тебе отдаст...

А мне так хотелось подарить маме что-то очень красивое...

— Ну, что, молчишь? — сердилась Ирина. — Четырнадцать пядесят, слышишь? Иди плати...

Я склонила голову, выбежала из магазина и разревелась. Так, без подарка, и плахинки, и пришла домой. Повисла у мыши на шее и сквозь слезы еле проговорила: «Поздравляю...»

Я вспомнила все это, когда посмотрела на души, купленные Борисом. Наверное, он выбирал для Валентины так же, как тогда и я для мамы: самые хорошие, самые тонкие, самые дорогие.

До стипендии оставалось три дня, а в кассе нашей насчитывалось всего тринадцать пять рублей. Никогда не занимавшаяся хозяйством Рита сказала, что мы с Зоськой должны погодить деньги, распределить на один обед и веселиться. Я смеялась, а Зоська заплачет. Сказала сердито и велела где-нибудь найти квитки для нее закрытую хозяйственную сумку, потому что сейчас все пойдет на рынок.

Рита решила сама готовить обеды, пообещала, что будут они вкуснее и дешевле «столоцких».

Я вытыкнула из конфетной коробки все наше состояние и еще раз пересчитала.

Вошла Валентина. Она была задумчивая и смущенная, ульбаясь одними губами. Появилась книга, перевезенная Риты жакет с одного стола на другой, опять полистала и ушла.

— Ты будешь сегодня дома? — удивилась я... — Разве с Борисом никогда не идет?

— Почему? — настороженно спросила Валентина. — Идем. Конечно, идем...

Она стала собираться. Переодела платье, перепела косы. Я забыла о строгом наказе Риты найти закрытую сумку, смотрела на Валентину и немножко завидовала. Мне тоже хотелось вот так, как она, собираться, идти...

Валентина была ухожена, но уходить не торопилась.

— Пойду ко мне, помочлюсь и, смеясь, спрошу:

— Ты мне... не даешь из наших общих взаймы? Плескала верну.

Не знаю, кто бы поступила Рита, а я снова вытыкнула деньги из коробки и сказала:

— Бери.

Мало ли что: может, Валентина маникюр захотела сделать и замявили...

А вечером меня совершенно неожиданно пригласила в книжный Гриша Таранец — тот самый комсорг с исторического. Вдруг пришел в нашу комнату, пошарил в карманах, достал билет и сказал, что передал его передо мной на стол и очень просил предложить.

— Пойдемте, Таранец.

Я сначала подумала, что он шутит. Но Гриша смотрел на меня без малейшей насмешки, вполне серьезно.

Я взяла билет и сказала, что пойду с удовольствием.

Гриша ушел, и я увидела, что в комнате, кроме нас, была Зоська. Она вошла незаметно. Откровенно говоря, я даже обрадовалась, что она присутствовала при том, как комсорг с исторического приглашал меня в кино. И хотя Зоська все слышала, я не утерпела, покашала:

— Иду сегодня в кино. С Гришой...

— С Гришой и с удовольствием! — зло отозвалась Зоська. — До чего же ты дура все-таки! Парень не успел раз открыть, а ты: «С удовольствием»!

Зоська безнадежно махнула рукой и смерила меня презрительным взглядом.

— Уважающая себя девушка на первый раз от приглашения отказалась бы.

— И приличия...

— Зоська — взмолилась я — да ведь он мне нравится!

— Тем более...

Нет, ее никогда ни в чем не убедишь, эту Зоську. И никому в споре она не уступит. Я это хорошо знаю и всегда умоляю перезвать.

И на этот раз оставила последнюю фразу без ответа. Хотя поругаться с Зоськой очень хотелось. Не согласна я, чтобы перед челове-

ком, к которому хорошо относиться, кривить душой!

Я стала собираться. Совсем как Валентина... Перед зеркалом причесала волосы, чуть-чуть подушила ее дорогими духами, перешла туфли.

Зосека сердито наблюдала за мной, потом с шумом раскрыла шифонер, доставая свою модную спортивную сумку, и тут же тревожное внимание. Курточка эта очень мне нравится, и, говорят, очень идет мне. Зосека ее страшно берегла, на лекции не носила, а когда вешала в шифонер, прикрывала сверху куском марли.

Она положила курточку на мою кровать и сказала:

— Надеялся уж... Только замки не испорти.

Мне, наверное, надо было отказаться, но я не могла. Очень хотелось в этот вечер быть нарядной, привлекательной, лучше, чем всегда. Я скользила: Зосека стояла в зале, руки скрещены.

Пока сидели в кино, я все думала, куда мы после сеанса пойдем: по домам или еще по городу погулять... И определила: я незаметно, краешком глаза смотрела на его лицо, и в темноте оно казалось мне таким же мужественным, как у героя фильма. Мне очень хотелось Грisha о чем-нибудь спросить... Все равно о чём, лишь бы спросить и услышать, что он ответит. Но спросить было не о чём...

После кино мы с Грishей погуляли. Были еще теплые. Яркие деревенские фонари, светились рекламы и вывески. Только что прошел дождь, и все эти многоцветные огни отражались во влажном асфальте. Осенний город выглядел праздничным. И настроение у меня было веселое, хорошее. Совсем праздничное.

Грisha рассказывал о каком-то своем товарище Викторе. Говорил, что это прекрасный человек, который, конечно же, не может и не должен познакомить. Мне было совсем не до Виктора и не хотелось ни с кем больше знакомиться. Но я слушала со вниманием и окхотно призналась всем достоинства Грishиного товарища.

Перенеся поток машин, мы остановились на углу.

Поставив прямо на панель плетеные корзинки, женщины продавали цветы. К нам подошли прохожие, спрашивали цену, и отходили. Потом кто-то из прохожих купил цветы.

Я нарочно отвернулась от цветочниц, чтобы Грisha не подумал... Чтобы ему не пришло в голову купить букет. И вдруг среди чужих голосов я отчетливо услышала ровный, задумчивый голос Валентины:

— Сколько стоит...

Я обернулась и увидела ее совсем рядом. Она была одна и стояла спиной ко мне. Цветочница рылась в корзине, доставая букет, а Валентина отсчитывала деньги. Я случайно заглянула в ее лицо и увидела оставленную. Валентина платила за цветы теми деньгами, что взяла у меня: две тройки, три рубльбика... — Рубль у меня мелочью, извините, — сказала она чуть слышно и высмелила женщине на ладони медики, которые я собрала днем из всех наших карманов.

У меня сильно сжалось сердце. Поток машин кончился. Откуда-то из толпы меня окликнул Грisha. Но мне он вдруг стал чужим и далеким. Я не хотела идти к нему. Не могла... Женщина пересчитывала мелочь, а Валентина стала говорить на определенной голосовой. Я не вытерпела и обняла подругу и заплакала. Она вздрогнула, обернулась. Услыхав меня, Цветочница подала букет, Валентина взяла его машинально, не глядя. Я заметила, что она закусила губу, и даже тогда, при вечернем освещении, было видно, как страшно побледнело лицо Валентины.

Мы молча перешли улицу, оказались на бульваре...

Сели на скамейку под тревожно шуршащими кленами.

Рядом сидел был подсвеченный снизу фонарь, вода его казалась то зеленою, то розовою, то склонно-бледной. Гуляли пары. Откуда-то донеслась музыка. Город все еще выглядел праздничным...

Валентина сидела прямая, неподвижная и невидящим взглядом смотрела на принудительную игру света и водяных брызг. На коленях у нее лежал букет белых астр.

Было что-то отчаянно горячее во всей ее фигуре: в строгом повороте головы, напряжен-

ном изгибе рук... Прохожие невольно обращали на нее внимание, и, пройдя, некоторые даже обрашивались.

И вдруг я словно что-то надломилась у нее винтажного болвана и села, ссутулившись плечи. Валентина уткнулась головой мне в колени и горько, извращая заплакала.

Я гладила ее мягкие волосы, а сама с трудом сдерживала слезы. И если бы не сдержалась, было бы не удивительно. Плакала Валентина! Вот это страшно! Мы никогда еще не видели в ее глазах слез.

Она медленно выпрямилась, подняла на меня свои серые добрые глаза, да самого дна полноты тоски в горя. Посмотрела грустно и пристально... Я не выдержала ее взгляда.

На щеках, Валентина открыла сумочку, вынула аккуратно сложенный листок бумаги и подала мне. Это была телеграмма.

На узких бумажных ленточках выстроились друг за другом аккуратно напечатанные сло-

ва: «Приехать не могу. Женился. Прости меня. Буду счастливая».

...Весело искарился фонтан, рассыпал розовые, зеленые, голубые брызги; играли музыкалы Соколовы, они смотрели друг на друга и не замечали, проходя мимо нас, что под ногами ломаются, всплываются в грязь белые эвры.

Расчет сержанта В. Николаева ведет огонь по врагу.

Герой Советского Союза
Владимир Николаев (1944 год).

ПОДВИГ СЕРЖАНТА НИКОЛАЕВА

В один из январских дней 1944 года в коломенском учебном лагере Н-скому истребительно-противотанковому полку вручалось Красное знамя. В торжественном молчании застыли шеренги бойцов. Сотни взъевшихся взглядов были устремлены на алое полотнище знамени.

— Берегите это знамя, — сказал артиллеристам командир бригады полковник Лисин. Знамя — наша честь, наша слава. С доверием пронесите его через любые испытания!

Клянемся! — торжественно произнес командир полка.

— Клянемся! — как могучее эхо, покатилось по рядам артиллеристов.

В напряженном труде прошла зима...

А теплой весенней ночью полк погрузился в зевок и поезд ушел в артиллеристов на север...

Через неделю истребительно-противотанковая brigada заняла позиции на одном из участков

фронтов северо-западного Ленинграда. Готовилось большое наступление. Батарея, в которой служил сержант Владимир Николаев — молодой артиллерист, бывший прокатчик с завода «Электросталь», — получила приказ установить орудия в ста метрах от вражеских укреплений.

Артиллеристы гатили болото, рвали траншеи, строили укрытия для орудий. Чтобы не выдавать себя врагом, они рубили деревья далеко в лесу и приносили тяжелые стволы к самой передовой на руках...

Стояли белые ночи, и только густой туман, поднимавшийся над болотом, надежно укрывал артиллеристов.

На рассвете 10 июня, когда на востоке засвело полоски зарей, тишину нарушил одинокий выстрел. Всюду за тем по всему лугу побежали троих орудийных залпов. Задрожала земля. Сквозь тучи пыли и порохового дыма бойцы видели, как прямо перед ними развалилась бетонная чаша

броневого дота, а на месте блинча появилась черная яма.

Огненный вал медленно переполз на вторую линию траншей, вспыхнув вспышками. Успешные вражеские пушки в пулеметы встретили атакующих огнем. Но, словно из под земли, перед гитлеровцами выбросили противотанковые орудия.

Появилась в панораме пулеметное гнездо, сержант Николаев выпустил несколько снарядов. Пулемет замолчал.

В широкие проходы, пробитые в заграждениях, ринулись наши пехотинцы, пошли танки.

Подстерегавшие сержанта Николаева солдаты скрылись за снарядом, пока над полем бои не появился «Юнкерс». Самолет метнулся вниз, и через несколько секунд Николаев показалось, что земля под его ногами раскололась...

Прида в сознание, Николаев попытался встать. Но ноги подкашивались: они стали слабыми, словно ватными. Николаев смотрел на искощеранный ствол орудия, на лежавших рядом товарищей. Над его головой пролетали красно-звездные истребители. Мимо бежала звезда.

Но все это было, точно в немом кино. Он слышал только тонкий, пронизительный звон...

«Оглох! — с тревогой подумал Николаев. Шатаясь и падая, он побежал к одному из танков и, сделав отчаянное усилие, вскочил на машину.

— В правом углу поляны орудие! — не слыша собственного голоса, крикнул Николаев в приоткрытым люк.

Башня вдруг плавно развернулась. Танк дал несколько выстрелов по правому углу поляны...

У одиночной сорны пулемет... — продолжал Николаев указывать цели, которые были ему хорошо известны.

И снова танк вел огонь, машина шла вперед, на ее броне, держа щеку за скобу башни, стоял залитый кровью, оглохший артиллерист и указывал новые цели...

Горячую землю окутал ночной туман. Бой утих. Санитары, перевязав раненого Николаева, а утром отказавшись идти в госпиталь, принесли новый орудийный расчет.

Через три недели советские часты вышли к заливу Рюкколя-Ярви. В разгар боя командир второго орудия первой батареи сержант Николаев был принят кандидатом в члены Коммунистической партии. А через неделю в жизни молодого коммуниста произошло еще одно волнующее событие: указом Президиума Верховного Совета СССР за мужество и отвагу, проявленные в боях с немецкими оккупантами, Владимиру Романовичу Николаеву было присвоено звание Героя Советского Союза.

Дорогой войной привели противотанковую brigadu в Восточную Пруссию. В холодную январскую ночь 1945 года артиллеристы расположились на отдых в небольшом местечке Клейн-Маузен. Догорали пожары, черные хлызы тепла падали на снег. Уцелевшие дома мрачно глядели на бойцов темноватыми окнами.

В разминированном сарае, тесно прижимаясь друг к другу, лежали артиллеристы с орудием под мышкой.

Николаев рассказывал товарищам о своем заводе, о прокатном цехе, где он работал и куда наездил скоро вернуться...

— Конец войны не за горами...

До Берлина рукой подать. Эх, и сильную обрушим мы на гитлеровское логово... А потом по домам!

Рано утром, выполнив боевой приказ, батарея Капитана Майдуна по белой равнине металась поземка, линия бойцов обнажал резкий, ледяной ветер. Неожиданно колонну накрыл шкваленный артиллерийский огонь.

Крупные силы танков и мотопехоты противника, пытающиеся выбить из окружения, встретили на своем пути небольшую группу советских артиллеристов и, видимо, приняли решение — визуально ударом опрокинуть ее и прорвать ся.

Стремясь выиграть время и дать возможность товарищам занять удобные позиции, Николаев выдвинул свое орудие вперед и ударили по головным машинам. Загорелась «пантера», неподвижно замерла, опустив ствол орудия, дрогая...

Но из снежной мглы выплыли новые танки и самоходки. Рядом с ними, утопая в снегу, бежали автоматчики в черных шинелях.

Молча упал убитым осколком на колени. Красные носки синевшие губы, заслоняя смертельно раненный Капитан...

Николаев встал на место наводчика.

Два часа продолжалась нервный бой. Одна за другой умоляли командор батареи Петровцовловский.

— Приказано отходить! — Иди, я приведу отхода.

Приведя под орудием горстку уходивших товарищей, Николаев начал бить по врагу.

Он лежал в панораме цель, разражал, стреляя, снова заряжал и снова стрелял, пока не кончились боеприпасы...

Николаев в последний раз зарядил орудие. Подпустил «пантеру» почти вплотную, он дернул штурвал. Над вражеской машиной вскинулась оранжевое пламя... Но в ту же минуту сзади, рядом с орудием Николаева упало несколько вражеских снарядов...

...Отремонтили горстку уходивших товарищей, Николаев вернулся к западной границе зоны памяти погибшего героя. Пришло полное теплоты и отеческой заботы письмо из Михаила Ивановича Калинина.

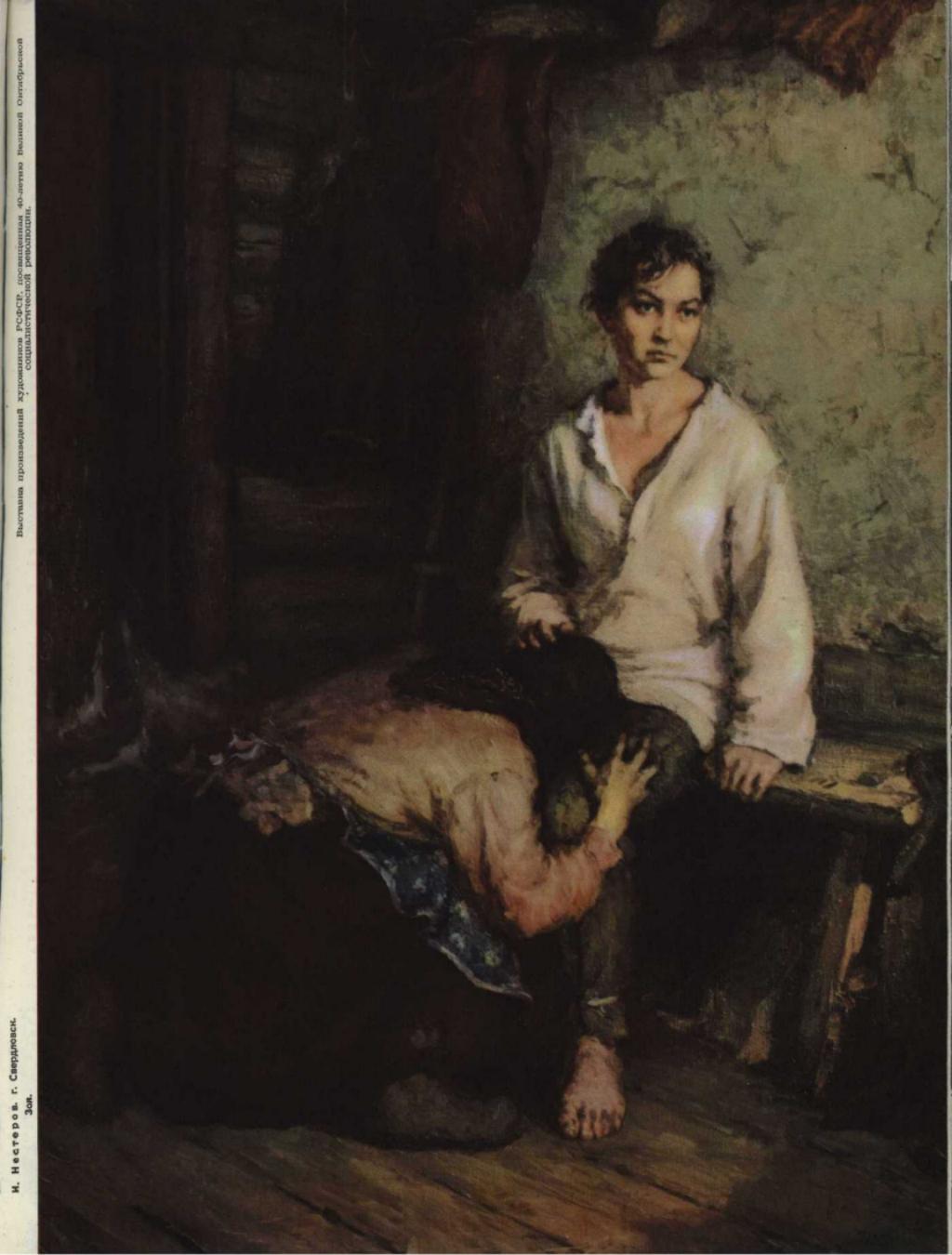
Он писал, что наш народ никогда не забудет подвига Владимира Николаева.

В городе Электростали, на улице Мира, и сейчас живет семья Николаевых. Растут его сыновья: старший мечтает стать инженером-ремонтником, младший хочет пойти в военно-техническое училище...

В батарее, где служил герой, каждый день на вечерней поверхке называли стоящее первым в списке имя Николаева и правофланговый артиллерист твердым, взъерошенным голосом произносит:

— Пал смертью храбрых в боях за Родину!

Т. СТЕПАНЧУК,
Н. ТЕРЕЩЕНКО

Выставка пролетарской живописи РСФСР, посвященная 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции.

Н. Ковтунова, г. Тула.
Портрет героя Великой Отечественной войны партизана Сашин Чапмана.

Земля сибирская

(Окончание.

См. «Смену» №№ 19, 20, 21).

Рождение Енисея.

«ТРУДНЫЕ» ПЕЙЗАЖИ

В конце июля этого года в городе Кызыле, в гостеприимной квартире Василия Федоровна Дедина, которого полуשות-половсерьезно друзья называют «патриархом тувинских художников», вместе с Тойво Ряннелем, Рудольфом Руйгом и другими сибирскими живописцами мы горячо обсудили маршруты поездки по Туве. Каждый высказал свое пожелание:

- На озеро Чижатай!
- В Огневку!
- На раскопки к Кызласову!
- Все предложение были замечены, и вскоре на поляне в окружении о двух зайцах, поставленных поблизости ведра, Однократно, прежде чем рассказать о том, как был выполнен этот план, хочется отступить в повествовании несколько назад...

Лето 1953 года застало меня в самом центре Западного Саяна. Несколько дней мы провели на горном озере Оя, неподалеку от станции Оленая речка, что на Усинском тракте, посередине пути от Монголии до Кызыла. Здесь, на высоте около 1500 метров над уровнем моря, находятся метеорологическая станция. Это барометр Западного Саяна. Если на Оленей речке плохая погода (что случается довольно часто), то путь через Саян для самолетов закрыт.

Прида на станцию, мы узнали тогда от дорожного мастера, что уже недели две здесь живет молодой красноярский художник, но застать его на месте трудно: с рюкзаком за плечами он совершают длительные прогулки в тайгу, к вершинам «вергаков» (так называют причудливые скалистые

вершины Саянских хребтов), и там пишет свои этюды.

Прошло почти три года. Однажды Монголия вновь стала популярной открытием знакомых пейзажей. Зубчатая цепь «вергаков» в розовом свете восходящего солнца, могучие кедры, стоящие, как стражи, на берегах прозрачного горного потока... Сомнения быть не могло — это Саяны. И действительно, на обратот открытое значилось: «Оленья речка» и «Саяны. Далекий выстрел. Фрагмент картины». А выше стояла фамилия автора — художника Т. Ряннеля.

Вскоре заочное знакомство с художником Т. Ряннелем, впервые мае нынешнего года журнала «Вокруг света» опубликовано в двух номерах очерк Тойво Ряннеля «Там, где рождается Брат Океана» с иллюстрациями автора и Рудольфа Руйга. Этот очерк посвящен подлинно геронимскому походу группы молодых сибирских художников к истокам Енисея. Триста километров пешком прошли они «по тропе подвига» в дремучий тайжинский лес, пересекли горные хребты и поднялись под краем стервятин и порогов Верхнего Енисея в местах, где кругом на сотни километров нет человеческого жилья. Результатом этого славного и пока единственного в истории советского туризма похода явились сто пятьдесят этюдов художников-натуралистов, гордо лежащих своей край.

Среди туристов была и выпускница Свердловского художественного училища, молодая кызыльская художница Ксения Безутровой. Эта рослая, смелая девушка, не только стойко делилась вместе с мужчинаами все трудности многодневного опасного пути, но и совершила

подвиг, о котором до сих пор говорят в Туве. Отличная спортсменка, она спустилась вплавь через гряжный Даг-Умарский порог проплывши при этом полтора километра. Второго же дня она охотники, рыбаки и пастухи Верхнего Енисея пропомнили не могут. А на другой день Ксения написала на пороге этот, который до этого ей не удавался. Вот при каких обстоятельствах рождаются иногда пейзажи сибирских художников...

Мне нисколько не хочется упомянуть достоинства произведений пейзажистов среднерусской половины Украины и Воронежской области. Уже в Кызыле, в гостях у художников РСФСР смотрю талантливые графические работы Р. Руйги, воссоздающие своеобразную, дикую красоту Красноярского края, картины Т. Ряннеля, скрывающиеся, как могучи и стремителен Брат Океана — Енисей, какими удивительными красками поражают озера и хребты Саян, или когда любящиеся сподхалим северного сияния и колоритом эвенкийских гравюр Л. Машанова хочется воззрение, дающее эти художников-сибирякам за то, что сюжеты своих работ они ищут в далеких, труднодоступных местах, которые, по сей день многда являются настоящими «белыми пятнами».

Однако пора вернуться к основной нити рассказа. Итак, решение было единодушным — ехать дальше: и на озеро Чижатай, и в Огневку, и на раскопки к археологу Кызласову. К большому огорчению Ксении Безутровой, срочная работа не дала ей возможности присоединиться к нашей компании. На следующее утро в транс-

портной конторе геологоразведочной партии мы получили не нескользко дней в наш полное распоряжение грузовую автомашину с шашлером.

Но перед тем, как двинуться в путь, следовало, по неписаным традициям, посетить скромный обелиск, установленный в точке, являющейся географическим центром Азии. В проходящей будке кызылской электростанции (обелиск стоит во дворе ТЭЦ) вахтер выдал нам листок бумаги с несколько комичным надписью: «Пропуск к центру Азии». Мы сфотографировались здесь на память, а затем отправились в город Туруханск, столицу одноименной горнодобывающей области, столицу Туруханской автономной области к месту, где у горы Вилан соединяются Бий-Хем и Кала-Хем, образуя могучий и широкий Улу-Хем. Здесь и начинается верхний путь великой сибирской реки Енисея. Издалека видно дорогое всем нам имя, выложенное комсомольцами Кызыла на склоне горы большими белыми известняковыми плитами: «ЛЕНИН».

ЧАСТЬ АРАТА

Советская власть принесла тункинскому народу свободу и счастье, культурную и зажиточную жизнь, спасла его от вырождения.

Со времен завоевания Тувы маньчжурскими захватчиками в 1757 году тувинцы носили оскорбительное прозвище «туряк» («ничийный-оборонец»), а Тува, вошедшая в состав России в 1914 году, так и называлась — Урхакайский край. Понистине страны было прошлое тувинского народа... «Идеалистические захватчики, местные феодально-теократиче-

С этюда Т. Ряннеля.

ские поработители, обирай и разоряя народ, совершенно не обращали внимания на то, что в стране не была организована элементарная медицинская помощь, что социальные и эпидемические заболевания поражали все живое — вымирали целые арбаты и сунумы. Смертность значительно превышала рождаемость, есть шло к тому, что небольшому тувинскому народу грозила катастрофа — полное вымирание», — писал Сацак Чан, первый тувинский писатель и секретарь Тувинской общины КПСС.

С помощью красных партизанских отрядов народ Тува в 1921 году окончательно изгнал иностраных интервентов, белогвардейцев, монгольских и местных феодолов и обывателей своей край самостоятельной Тувинской народной республикой. В октябре 1944 года она была принята в состав Союза ССР на правах автономной области. С этого времени началось подлинное возрождение Тувы.

В недалеком прошлом Тува не имела своей письменности, в ней было только один крупный населенный пункт — город Кызыл (до революции Белогород), основанный в 1914 году. А теперь в Туве несколько городов, свыше пятидесяти библиотек и более ста клубов; на русском и тувинском языках издаются газеты, журналы, монографии, писатели. Принята конституция кончено аратов. Теперь живут они в рубленых домах, построенных на безвозрастных сугробах, полученные от государства. Прокопченные юрты становятся эзотерической радостью. Среди тувинских хлебородов есть свои Герои Социалистического Труда. Не только пищевики, но и картофель и овощи, которые раньше здесь совершенно не знали, выращивают они теперь на своей земле.

Многие тувинцы уже получили высшее образование, сотни юношей и девушек готовятся стать педагогами, врачами, агрономами, инженерами.

ИСКАТЬ — ЗНАЧИТ НАХОДИТЬ

Целый день, ехали мы по степям Тувинии. К вечеру у подножия отрогов Восточного Таныту-Ола разбрьши палатку на берегу реки Чигиратай. В этом большом живописном водорезе почему-то живут только щука и ѿлья. Но зато в таком количестве, которое может привести в трепет каждого любителя рыбной ловли. Когда стало темно, над национальным костром дымом, настало первое зодро свечи уха. А на следующий день пришлось заготовлять впрок: Днем поймал на спиннинг шестнадцать щук, а шоффер нашей машины, Руига и я, составили «экспаж» другой лодки-долбленики, выудили на чрево более двадцати килограммов ѿльи. Выпотрошенну и присоленную рыбу решили позавтракать в подвале археологу Кизласову.

«Ах, скруги! — по-тувински склонившись в веселчик Демин, что должно было означать: пошли, вперед! Снова заклубились поздней нашей машины пыль. И вот мы в Тандынском районе Тувы, в маленьком лагере археологов у весело журчащих протоками быстрого Элегеста. Пока готовили с ужин, начальник экспедиции Леонид Романович Кизласов успел показать нам место близлежащих раскопок.

Кругом темнели большие, довольно глубокие выемки. В каждом из них виднелась нечто вроде выложенной каменными плитами дрожки. Рядом с раскопками лежали груды полуокруглых светлых черепков. Некоторые из них были украшены орнаментом. Нам не посягнули в тайны археологии людям, конечно, трудно было разобраться, что представляли собой все эти сохранившиеся остатки седой истории.

То, что нам показывали дрожками, является важной частью канав — широко распространенных в Китае обогреваемых каменных лежаков, под которыми проходят сложенные из плит канавы-дымоходы. А черепки — это остатки черепицы китайского типа в виде желобов и узких полуцилиндров. Обратите внимание, какая замечательная крепость она обладает!

С этими словами Леонид Романович начал кусок кирпича и с силой ударил его о камень. Раздался звон, кусок отскочил далеко в сторону, оставшись целым и не вредимым.

— С черепицей-то все и началось. Но это не потому, что сказал Кызылов, а потому что у него было многое, что хотелось рассказать. Он продолжал рассказывать о результатах раскопок: экспедиция сделала важные для науки открытия. Даты, нанесенные на рисунках при раскопках предметов сплетались в яркую популярную лекцию о прошлом этой далекой страны, средневековая история которой была до сих пор сорвана.

Внимательно слушали мы рассказы археолога. Чувствовалось, что он очень любит и к совершившему знает дело, потому что вспоминает все себя без остатка.

Когда начались Отечественная война, комсомолец-хакас Леонид Кизласов, уроженец города Абакана, был студентом Московского университета. Со второго курса исторического факультета он ушел на фронт. В 1943 году, прибыв с момента конца войны был тяжело ранен, вышел из госпиталя инвалидом — осколок оторвал ему кисть левой руки. Кизласов снова вернулся в университет и закончил его в 1949 году. А первая его научная статья, «Археологические заметки о некоторых древностях Хакасии», была напечатана голландским издательством. С тех пор Кызылов работал более двадцати лет, работал в Туве и явился ли это случайностью?

Нет, это было не случайность. Начиная с 1946 года Кизласов находил время проводить в экспедиции. Пешком он скользил в долину и перек перек не только Хакасии и Тувы, но и пыльный Центральный Казахстан, пыльно изучал курганы, могильники, выщербленные временем камни с полуторашинными письменами. С каждым годом прибавлялось опыта, знаний. Постепенно у молодого учёного стала расти уверенность в том, что черепки, винтики, даже когда-то находившиеся в Туве, по времени, качеству, форме одинаковы с той, которую он встречал в древних городищах Семиречья. А раз так...

Но эту смелую догадку надо было проверить.

Следы каменных строений на правом берегу Элегеста открыты при участии Кызылова еще в 1947 году, когда он был в экспедиции студентом-практикантом. Однако тогда археолог решил, что обнаруженные им останки постройки — это развалины буддийского курга — ламской монастыря, разрушенных в годы революции и гражданской войны. В 1956 году Леонид Романович решил детально обследовать эти развалины. При раскопках были обнаружены остатки большого городского центра, весьма необычного для многотысячелетней истории кочевого народа. Так пришел Кызылов к научному открытию, привлекающему к себе многое, до сих пор бывшие неясными историко-культурные проблемы, важные не только для истории Туви, но и для познания далекого прошлого широких пространств Центральной Азии, начиная от Северного Китая, территории Монгольской Народной Республики и Синьцзян-Уйгурской Азии, вплоть до Средней Азии. К тому времени же экспедиция уже завершила начатое в прошлом году рабо-

ту... На следующий день художники уехали в живописное ущелье Элегеста писать этюды, а я продолжал знакомиться с материалами раскопок. Кызылов показал мне позолоченные от времени медные китайские монеты с квадратными отверстиями в центре и четырьмя неравнозначными боками. Таких монет найдено семь, все они одинаковы и имеют одинаковую надпись: «Да Дан тун ба», то есть «раскрасданная монета (правления) Да Дана». Эти деноминальные знаки выпускались в 1116—1119 годах императором Ши-цзуном из чжурчжэньской династии Цзинь. Они свидетельствуют о том, что кара-китайцы не имели в Туве своего денежного хозяйства и пользовались монетами чжурчжэней. Отсутствие же в Туве более ранних и более поздних монет позволило сделать вывод, что кара-китайский город на Элегесте существовал относительно короткий срок, в второй половине XII века, и был захвачен в начале XIII века, когда кара-китайцы были вытеснены из Тувы монголами, создавшими в то время свою первую государственную форму — цаган-ханат.

Леонид Романович рассказал, что экспедиции были раскопаны жилища разных слоев населения: рядовых замыльцев, ремесленников, жаждиточных горожан, торговцев. Несмотря на многие китайские черты, выявившиеся в архитектуре зданий города, она отмечена глубокой самобытностью и своеобразием, отчасти особняком, представляющим собой архитектурно-художественную школу. Особенно богатым по архитектуре и скulptурному декору оказалось большое административное здание, служившее, очевидно, приемной или канцелярией кара-китайского «канза» (князя, наместника). Оно было построено целиком из кирпича, на известковом растворе, и состояло из двух этажей из трех комнат на каждом этаже. Чертепинская кирпичная кладка, покрытая широкими же лобами, заканчивалась по краям полуцилиндрами, украшенными круглыми налепами со штампованными изображениями физиономии рогатого и бородатого

демона, очевидно, «хранителя домашнего очага».

В оживленной беседе принял участие весь небольшой состав экспедиции: заместитель Кызылова, недавно получивший звание кандидата исторических наук Юрий Семенов Гримм, малоизвестный сотрудник Института истории материальной культуры, и фотолаборант Московского университета Владимир Васильевич Суслов, к тому времени уже перешедший на второй курс студенты исторического факультета МГУ комсомольцы Наташа Жуковская, Тамара Барцева и Вадим Егоров. Нужно говорить о том, как они были рады и горды тем, что первая в их жизни практика оказалась такой интересной.

Недавно мы встретились с Леонидом Романовичем в Москве. Оказывается, после нашего отъезда из Тувы экспедиция сделала новое важное открытие: недалеко от города Шагонга она обнаружила еще одно древнее кара-китайское городище. Здесь были найдены уникальные памятники древнего государства кидам — статуя будды и огромная каменная черепаха весом около полутора тонн.

ЭТА ЗЕМЛЯ ЖДЕТ ВАС!

Через перерывы и долины добрались мы и до Отгневы, которая на карте Тувы теперь значится как Хову-Аксы. До Революции это было одно из самых глуших и одинаковых мест даже для стоянки Собери. Кругом было пустыни, впадины, в которых к летом не тает снег. Когда-то стояла здесь таежная замыкаемая немцами Отгнева. Сюда стекались всякие темные люди, одиночки-золотоискатели; они мыли на горных ключах золото, про мышали зверя и жили, но подчиняясь никаким властям. Но вскоре их держала в обиде одна большая семья ханчы, от которых зависела жизнь замыкаемых зон. Всех «пришибные» обязаны были работать на Отгнева. Покинуть хозяйство, вернуться домой им уже не удается.

Бывало, приходил таежник к Отгневу и просил расчета.

— Что ж, не волевите не могу, уходи с миром, коли решил, — говорил поглядывая на дорогу. Отгнев. Он спокойно выдавал приватно-шуюсь беднякам, воров, погонщикам, карчмарям на дорогу. Работник пускался в трудин, дальней путь. Но в тяге отпущеного кис мирами, батрака настигала меткая пуля, а заборенные им деньги гнали попадали в бездонный карман Отгнева.

Да, так было... А теперь на месте старой замыкающей равнины огромный, шумный поселок, недалеку строится новый. Уже возведен первый каменный двухэтажный здание. Скорее здание, чем дом, в стойле мощный рудник. Пришло время заключить наш рассказ о поездке по Юго-Восточному Сибири. Этот обширный и богатый край ждет молодых механизаторов и строителей, архитекторов и инженеров, геологов и врачей. Здесь на кону — место работы и место жительства. Есть куда приложить руки, умение, волю. Тот, кто не боятся трудностей, в ком есть сера сердца патриота, всегда найдет на земле сибирской радужный прием и горячо поблагодарит этот суровый, могучий, прекрасный и неповторимый край.

В городе нефти — Баку — начинается трудовой день. Автобусы и электротранспорт доставляют тысячи нефтяников из про мышленных городов Сургасы, Бийн-Айбат, Карадаг, вахту Ильми.

Фото Е. Халдея.

Нефть... День и ночь струится густой черный поток по стальным руслам трубопроводов, протянувшихся от глубоких скважин на Каспии и в Поволжье, на Урал и Дальний Восток... Трудовая смена в нефтяной промышленности — это смена, где бы человек не использовал это удивительное, бесценное сокровище земных недр. Нефть — это горючее моторам, смазка машин, это сырье для химической промышленности, это сырье для изготовления асфальта, электродов, различных изоляционных тканей. Нефть — это десятки химикалиев, эти синтетические нитры, из которых делают различные виды пластмасс, фильтры, краски. Нефть дает народному хозяйству смысла двухсот пятидесяти самых разнообразных продуктов!

Издавна струи боялись нефти! Но до самого Онтебря основой «чёрной нефтяной» оставались Бакинские нефти на Ашшеронском полуострове, первое упоминание о которых относится к 1550 году.

Широкое развитие нефтяной промышленности началось только при Советской власти. В годы первых пятилеток мы полностью механизировали все старые промыслы и заводы, перерабатывающие нефть, внедрили новые, более совершенные методы бурения и добычи. Мы построили десятки новых заводов, крупные магистральные нефтепроводы, создали стеченные нефтехимические комбинаты, освоили производство высокомощными буровыми станками, лучшими в мире турбобурами, насосами, аппаратурой. Мы научились добывать нефть не только из скважин, пробуренных на поверхности, но и из пластов, лежащих под болотами, реками и морями!

Разведчик-геолог открыл новые, богатейшие нефтяные районы: Среднеазиатский, Каспийский, Кубанский, Дагестанский, Узбекистанский, Киргизия, на Дальнем Востоке, Поволжье, новые, «черные нефтяные» Туемзин, Стерлитамак, Ишимбай, Нефтеюганск, Тюмень, Оренбург.

В царской России в 1913 году нефти добывали девять миллионов дюйстров тысяч тонн. А в 1956 году только промыслы добывали 100 миллионов тонн нефти. И в этом же году страна получит примерно двадцать семь миллионов тонн нефти — на тридцатидва миллиона больше, чем в первом пятилетии.

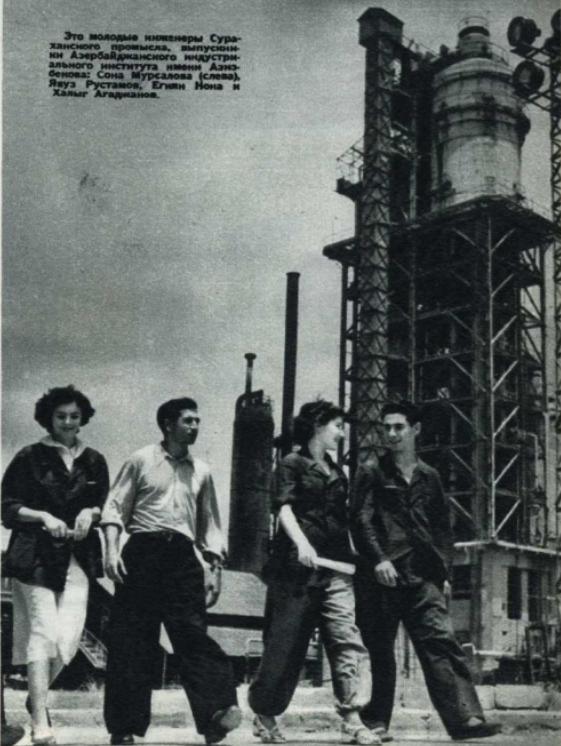
С каждым днем крепнет наша страна, завоевавшая новые и новые высоты, опередив капиталистические страны в разработке нефти и сельского хозяйства, науки, культуры. События генерального подъема вспоминает Владимир Николаевич Ленин: «Мы и добьемся того, чтобы нагнать другие государства с танкой быстризой о которой они и не мечтали». В результате творческих усилий советских ученых и инженеров нефть исполнено выполняются задания шестого пятилетнего плана. Недавно было опубликовано постановление партии и правительства о создании первых пятилетних планов нефтяной промышленности СССР на 1959—1965 годы. Это постановление предусматривает дальнейшее быстрое развитие всех отраслей промышленности, и в первую очередь таких, как машиностроение, производство металла, энергоизрасход, добыча угля и руды...

«Обсоблестраннефть» обращается за включение темпы развития нефтяной промышленности в планы на пять лет в нашу национальную экономику. Уже немногим лет спустя в нашей земле появятся тысячи новых буровых вышек и скважин, появятся заводы и кремниевые установки, вырастут города и поселки. И в 1965 году мы будем добывать 150 миллионов тонн нефти, в том числе 100 миллионов тонн нефти, добываемой в стальные руслы нефтепроводов...

На эти страницы журнала мы рассказываем читателям о труде и жизни нефтяников старейших в стране Бакинских промыслов, перенимающих сейчас свою вторую молодость.

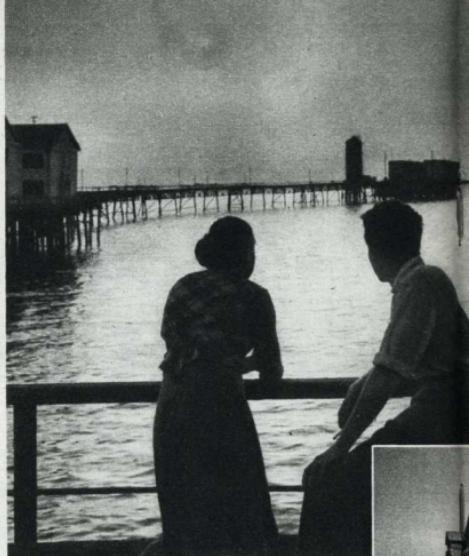
МОЛОДОСТЬ СТАРОГО АПШЕРОНА

Это молодые инженеры Сургасского промысла, выпускники Азербайджанского индустриального института имени Азизбекова, аспиранты Соловьева, Егора Рустамова, Егиши Нона и Халил Агаджанов.

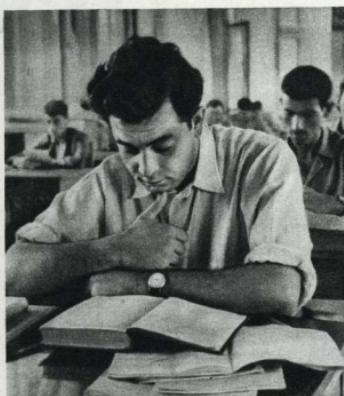

Непрерывно струится черный поток по стальным руслам трубопроводов. Ежегодно бакинцы дают стране 15 миллионов тонн нефти. На снимке: оператор Вартан Аvezов при работе на установке, осуществляющей в сборный коллектор из глубоких морских скважин.

Вечером после смены...

Далено от Баку, в Каспийском море, вырос промысел «Нефтяные камни» — целый новый город на сваях с добротными домами для рабочих, своей электростанцией, клубом, яслими.

Институты и техникумы, ремесленные училища и школы ФЗО Баку готовят для растущих промыслов хороших инженеров, мастеров, бурильщиков. На снимке студент Азевин Азевинского инженерного института Ренник Агайев. Через два года этот юноша получит диплом инженера и будет работать на Бакинских промыслах.

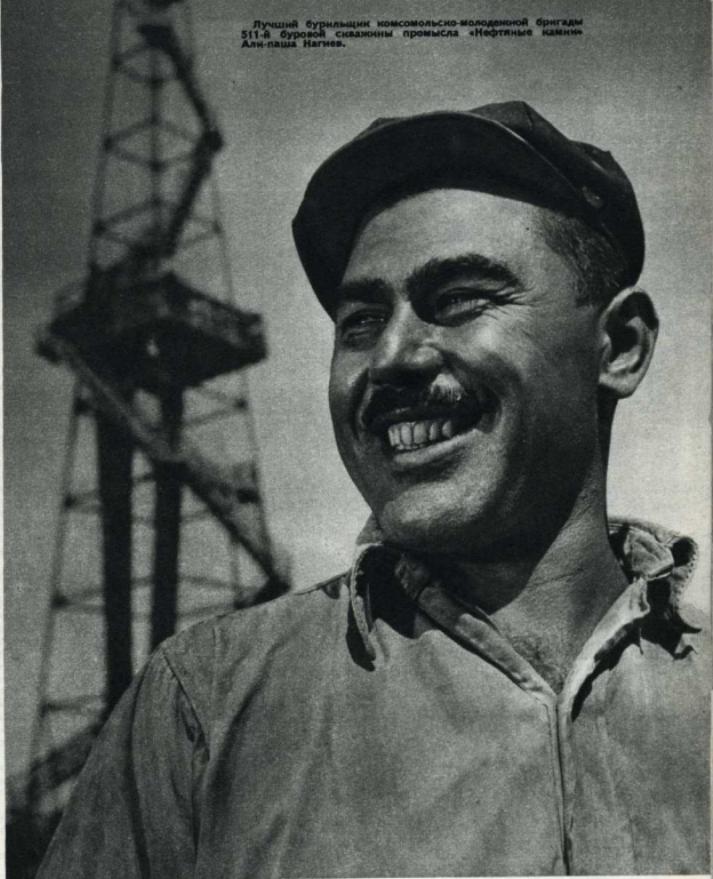

На Бакинских промыслах оснащенный богатым инструментом, широкий промысел является автоматизированным. На снимке: техники диспетчерского пункта четвертого промыслового участка Южного месторождения Зоя Сердюкова у пульта автоматического управления нефтяными скважинами.

Лучший бурильщик комсомольско-молодежной бригады 511-й буровой скважины промысла «Нефтяные камни» Али-паша Нагиев.

«Черный город» — так называли Баку в давние годы. Все здесь тонуло в копоти и пыли; лишь кое-где торчали чайные деревца. Иным стал облик нового, социалистического Баку. Выросли прекрасные жилые дома, появились сады и парки, на улицах зазеленели олеандры, кипарисы, оливковые деревья. Любимым местом отдыха бакинцев стали аллеи Приморского снегра.

среди тесноты
внезапно — родная,
она.
Солнце, косящее из-за полей,
сплетение пауз и фраз.
Казалось, что нет ничего теплее
этих нежденных глаз.

2

А у Колыка была жена.
Верой звалась она.
В самой зеленой молодости
Воронье воронье парки за веселыми.
Юность танула ее юности,
проче — пустыни!
А подросли, огледались,
глазами уставились взрослым:
«Как это я с такими?»
«Как это я с такими?...»
Две разные краски жизни
по-разному различались.
Боль завелась неумная,
и каждый был сам с собой.
Они вразномый улыбались,
они вразномый огорчались,
мечтали,

и поступали, и думали

вразномой.
Было и тяжко и жутко
им расставаться с мечтой.
А может быть, это временно?
Еще не могли понять.
И каждый думал о точке,
отделяющей запятое
и не желая другого
ни окончить,
ни обнять.

Обмылок. Случайно, Родко.
А в сердце то холод, то жалость.
Засохшая, лишняя ветка
еще не отпала, держалась,
держалась последними нервами,
держалась последней жизнью.
Была она тяжкая и первой,
пуста станет
последней ошибкой.

Понять —
не на свечку дунуть.
Пускай сюньость не сразу пробыться,
но надо решая,
думать:
примется ли?
Привьется?
Это, конечно, не просто.
Поди угадай, которая...
Но это ведь тоже, как воздух.
Об этом и наша история...

Он спешил с работы, мчался мимо рынка
и махал ей кепкой

чуть ли не с угла,
Славная девчонка,
милая Маринка,
где ты эту нежность светила взгляду?
Только ты умела, робко вскинув руку,
смело стиснуть щеку и приклонять щекой,
не глядеть умело в грустный час разлуки,

Владимир КОТОВ

Зеленая ветка

Поэма

На дачной платформе,
промытый дощадем,
где ветки ложатся на плечи,
мы ходим задумчиво,
будто бы ждем
какой-то негаданной встречи.
Нам любо взойти на крутой виадук
и долго и долго без слов
смотреть на дорогу
и слушать стук
электропоездов...

1

Коля собрался.
День выходной.
К тому же цветущий листо.
Правда, с ним нету хорошей одной,
И несколько лет уже нету.
Правду сказать вам,
давно он один,

но это ли
огорчение?
Днем — употребительный стрекот машин,
по вечерам — учение.
Сегодня — ни воздух!
В зубах «беломор».
Лицо грубоватой лепки.
В кармане газета,

Русый вихор
упружинится из-под кепки,
Прогулка с компанией.

Блинки. Бургры.

Зора линниковых костров.
Стихиная вязь словесной игры.
Обрывки рифмованных строф.
Купанье, брызги с озабытыми руками
и тяжесть ног уставших,
 обратный на горку подъем

и вдруг

фигуры
трех опоздавших.
И тут ему бросились сразу в глаза
цветастые юные лица,
коротко забранная коса,
рука не по-летнему бледная;
свежесть кругой родниковской воды,
лукавство еще не влюбленной,
еще не осознанной красоты,
девичий,
незавершенной...

Прямо на веранду,
зелено увитую,

стол и табуреты лунной чистоты,
на столе редиска,
лук и хрень сердитый —
огородной роскоши
первые плоды.
Собранные наспех сельдь и бутерброда...
Сумахова в кухне,
взгляды и смех.
Дорогие кипроплаты,
воды и шипоты,
мудро разделенные на всех!
Пастраста привозных,
и манер, и знаний,
грустноватый старый, с хрипотцой фокстрот,
летнее раздолье,
теснота застолья,
недобор тарелок,
перебор острот.

И вместе ходили они за водой.
Роскошь вода...
И за столом в тарелки одной
или радужный суп золотой.
Так начинался день молодой
нового бытия...

А в электричке вечерней — цветы,

свежих загорев тоня...

И рядом Марина,

говорить о Писареве
в парке над рекой,
Нам ли хмыкать в юности?

И Марина пела,

и слегка алая
девичья щека.

Только целоваться
всё не умела.
Ну и что ж такого.
Это ведь пока...

3

Машинки, как утки,
вак да вак!
Средь крыши — уголок просини.
Маленький скверик держал на ветвях
ключок уходящей осени.
Улица рядом,
Какая тут тишина!
— Милый, взгляни!
Я даже
смелее...
Ты слышишь?
Чего ж ты молчишь?

Мы любим...
А значит...
Как дальше?

Герой мой!
Будь-ка на высоте,
будь-ка достоин Маринки!

Быть может, ты, смелый,
у трех судеб
выпрямишь
разом спины!

Смелый?
Но что же в глазах так темно?
Молчишь ты и прутки ломаешь.

— Маринка... Конечно...
И я тоже...

Но

как бы сказать?
Понимаешь...

И спрыгнула в скверик,
как рысь, тишина.
Осень. Ни звоя. Ни пыли.
Молчала.
Спокойно сидела она.
И только деревья поплыли...

Пусть не будет тебя, золотая,
идеальная жизнь, навсегда;
будет третий!

И он залатает
все прорехи из прошлого,

только что же?
Горит, да не греет.
Стынет в сердце любимое имя.
Поцелуй дых

не склеят,

если души
останлись чужими.
Ната праду,
возьмите скорее.

Дорогие, не будьте слепыми.
Нет, и третий двоих не склеят,
если двое

останлись чужими.
Мы не пчелки
и не бухашки —
подчиняясь
личи

биологи:

есть помимо цветочных машин,
есть помимо удобной берлоги
и помимо
спанья

да жеванья

есть понятия
и есть желания.

5

Коля, Коля

ты мой, Николай,
с синеглазой пойдя погуляй,
с синеглазой дочуркой Варью,
день сегодня веселый и зрячий,
город наш громыхает с утра,
вам теперь бы в дверь мороза.
Сию бедную твою командинку,
искусить в жарком лете девачонку,
потаскать ее в рощу да на реку,
синеглазую Варенку.

Но опять, и опять, и опять
вам тяжелые ночи не спать.

Варенка, что тебе наш разбойник?
Что тебе наша старая боль?

Ты смеешься
и маме и мне,
доверяя обом аполе.

Варенка, что тебе наш разбойник?
Тебе синеглаза смек, и покой,

занесен лях,

чтоб летел высоко,

и хорошее молоко.

И нужны навсегда,

до конца,

мягкость матери,

твёрдость отца.

Да, отец твой от страха худел,

да, отец твой тебя не хотел,

когда только узнал о тебе,

а теперь?

Пухлоногий, смешной голыш,

С асфальта солнечными огнями
поднимались лужицы.
Он прошел
нетвердыми шагами
перебирая улицу.
А улице — скаки на милость! —
растягивая с ним не хочется,
как барабан, под ним крутилась
и не могла окончиться...
Катался жгучий уголек
в душе его растерянной,
пока не брызнул огонек
еще одной питейной.
Но уголек все жег и жег,
не звал и не советовал...
Маринка, эх!

Смолчал,

не смог,

а почему?

4

Шумели зимние метели.
Кипела летняя природа.
С тех пор прошло не три недели,
прошло

три

года,

Ведь жизнь не ждет.

И все, что хрупко,
сомнит и дальше, без уступок.
Несовершенные поступки
подчас ведь тоже есть поступок.
А за поступки, как известно,
расплачиваться надо честно.

Три года — срок не маленький.
И вот, поздравленная всеми,
Марина вышла за полярника,
уехала на дальний Север...

Коля с Верой могли и забыть ее.
Ведь у них надеялись события.

Новостей окидали в морозы.
То ли дочку встречать,
то ли сына?

Николай покупал мимозы
и лучистые апельсины.
Все, что было до этого,—

шалости,
а теперь они взрослые,
сильные.

Ах, сестра,
передайте, пожалуйста,
мимозы и апельсины...
Пусть бывшее уйдет и не помнится,
буду дочку встречать или сына!

Вот уж комната
золотом полнится;
мимозы и апельсины...

А потом судачат:

«Охладел он!»

Истину не зная и грязна,

Можно охладеть

к чужому делу,

к другу и товарищу

нельзя!

Чай у тети,

Вафли, как бывало,

Ты со мной без хитрости нежна,

Вот теперь природе досказала,

что в тебе задумала она.

Сердце окружая, обнигая,

светится иная, чем тогда,

женская, расцветшая, живая

выросшей Марина красота.

Мы идем, и больно отдается
каждый шаг мой,

Что же мне сказать?

Что ж теперь мне делать остается —

локти в испуленне кусать?

Я тебя целую у ограды,

вернув аму,

и потому

только раз,

а ты:

— Теперь не надо,

Это все теперь уж ни к чему,

На меня ты лихо поднимашь

чистые, ходящие глаза,

Я люблю тебя,

ты понимаешь?

Понимаешь?

А зачем тебе?..

А Марина все, конечно, помнит,

Когда-то любовь, и институт,

но теперь ее другов полнят...

Завтра уезжают,

Там ведь ждут...

Нелегко прощаться на вокзалах.

Грустно станет,

кто бы ни уезжал,

«Он сказал,

она ему сказала»,

И, конечно, он «недосказал».

А кому и без того от горечи

не вздохнуть,

как в час лихой беды,

не помогут капельки

и корочки,

если нету

хлеба и воды.

Проводник хватается за ручки.

В свете фонаря блестят погоны.

И плывут последние попутники

в целиком металлический вагон...

Может, жаль ей?

Ну поймешь.

Улыбка,

Лицо в озерах глаз, на самом дне,

Буря в сердце, волна в голове, как рыбка,

на большой тяжелой глубине,

Промельнула так легко и быстро,

что опять спокойна глубина,

и опять в глазах светло и чисто,

и пойди пойми,

была ль она.

ты средь луга в панамке стоишь,
ты глядишь на отца и на мать,
не желая их понимать...
Папа рослый, серебристый, взрослый,
он дымит и дымит папиросой
и не может представить, любя,
как бы жил он сейчас
без тебя...

6

Но однажды, однажды
в августовский денек
прозвучал многоголосый
телефонный звонок.
Лицо однажды, однажды
в суете жарких дней:
— Что же, что ж забываешь ты
своих старых друзей?
Голос... Голос все ближе.
Шире, шире глаза.
Он вспомнил, что забыл
или три года назад?
— Я родных не вспоминаю.
(Ну, ты вспомнил меня!)
Целый месяц гостила,
и осталось поздня...

В запахах летней пыли,
бензина и автомобилей
здесь, у метро, вмещавшись
тонких духов аромат;
водоворот свиданий,
водоворот сожалений,
улыбки и соки, как голуби,
друг другу настрему летят.
Три года — далекая юность,
три года — далекая давность,
что от былого осталось?
Может быть, только следы?
Ну, а она? Растоплена?
А впрочем, какое дело
ему до этого,
правда?

— Марина!
— Коля, ты!..

По Садовому кольцу,
шаги невзначай укорачивая,
шли они,
лицо
к лицу
часто поворачивая.

Голоса Москвы все тише, тише.
В золотой внезапной тишине
я иду с тобой,
и слышу, слышу
новую, неведомую мне.
Я не знаю, лучше или хуже,
в полуопытности,
в полуслоне,
я иду с тобой и виню

ты же
и совсем неведомую мне.
Светится в глазах хороший лучик,
разгоряч настроен на волну
о далеком городе, о людях
и о муже
любящем жену.
И о том, что все у вас в порядке;
с ним не счесть ни скуча, ни тоски;
ну, а если что, там, опечатки
в каждой книге можно отыскать.

Стало и волшебно и тревожно,
будто покачнулся шар земной.
Стой, Марина! Это невозможно,
что сейчас ты делаешь со мной.
Стой!
мне надо здесь облокотиться.
Над водой позыла высота.
Надышаться я хочу, уплыть
ветром с Бородинского моста.
От горючей боли зубы стиски.
Мало целовать и обнимать,
В кутерьме семьи
и в битвах жизни

главное —
другого понимания.
Ведь бывает, суханья
с тыла
множит боль атак и передряд.
Потому становится постыдным
все, что было мылью,
иль не так?

А. Ратников. г. Ногинск. У походного костра.

Выставка произведений художников РСФСР, посвященная 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции.

А. Федотов. г. Чита.

Байкал.

Н. Казанич. г. Пятигорск.
После концерта.

Выставка произведений художников РСФСР, посвященная 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции.

Игорь ГОЛОСОВСКИЙ

ЗАПИСКИ ЧЕКИСТА БРАТЧЕНКО

Приключенческая повесть

(Продолжение. См. «Смену» №№ 19, 20, 21).

...В сложной обстановке гражданской войны работают чекисты расположенного гдено-то Альбера города. Каждый знает это о себелюбивого белогвардейца. Председатель Чеки Федор Братченко и его помощник — Николаев — Малинин и Константин Степанов — пытаются найти нонконформистского заговорщика. Заговорщики похищены из городского банка золото, готовятся к открытию оружейного склада, где хранятся боеприпасы, наметили прорыв, но удалось выяснить чекистам, на 26 декабря.

Узнав от начальника оврага Тимира, что похищенный человек находится в корте местного зайсаны Алламисова, Братченко со взводом красноармейцев отправляется на поиски этого человека. Встречаясь с Орденом, они попадают в засаду, устроенную ему белогвардейской бандой под предводителем Степанова, и тратят время на то, чтобы избежать опасности, случайно спасается и при содействии Сони Лессинг, дочери бывшего управляющего краинским банком, оказавшейся в стенах белогвардейской тюрьмы, обратиться к городу. Соня не выдает Федора, белогвардейцы бы в благодарность за то, что он освободил ее отца, засекретили ее и избрали ее женой. Братченко считает, что отец освобожден по ее просьбе.

Вернувшись после возвращения Братченко в Крайск чекисты задерживают передового белогвардейского подпольщика Драчева с пистолетом от макаровской группы, а Степанов — радиоператора военной дивизии, к Степанову. Соболевский предлагает последнему действовать против красных совместно. С содержанием письма знакомится защищенный чекистами председатель райсовна Волосин.

Пробежав письмо, Волосин смущенно спросил: — Что же вы намерены делать?

— Под видом Драчева проникнуть в лагерь Степанова и установить, с кем он здесь поддерживает связь.

— Это неплохо! — исподлобья взглянул на меня Волосин. — Положение тревожное, времени сейчас нет. А ведь если быть честным, не быть Советской власти в Крайске. Надо предупредить нападение, изолировать базы арагов друг от друга и разбить их прежде, чем они выступят. В нашем распоряжении осталась лишь один день! — Петр Андреевич встал и, заметив горбась, прошелся по комнате. — Кого же решим послать к Степанову?

Вопрос застал меня врасплох.

— Должен пойти я! — вдруг заявил Малинин. — Вам, Федор Гаврилович, нужно здесь быть, товарищ Николаев — человек заводской, в царской армии не служил, не сумеет золотопогоняному сыну сказать: А ты у штаб-капитана два года в демократии ходил. Все изюминку культуры насквозь изучил!

— В предложении Малинина есть резон, — заметил Волосин.

— Нет, это дело я никому не доверю, — возразил я. — Может быть, Егор и спрямится быть, товарищ Николаев — человек заводской, в царской армии не служил, не сумеет золотопогоняному сыну сказать: А ты у штаб-капитана два года в демократии ходил. Все изюминку культуры насквозь изучил!

— В стане Степанова у меня есть знакомый, с помощью которого я надеюсь получить нужные сведения.

— Это, конечно, все меняет! — согласился Волосин.

— Неправильно! — заурядился Егор. — При чем тут знакомый? И я мог бы к тому человеку обратиться сам. Просто Федор Гаврилович привык действовать сам. С товарищами, коммунистами, он не советуется. О его планах мы с Николаевым не знаем. Где же можно так работать? Отточить наезды!

Серьезное обвинение! — взглянул на меня Петр Андреевич.

— Ерунда! — сердито ответил Николаев. — Шбыки, Малинин, самолюбивый Норовицкий вперед выплыть, а для чего — не знаю.

— Если вы считаете что я не прав, то не настаиваю, — быстро согласился Егор.

— Не дружишь живет! — упрекнул Волосин.

— Подлеца я встретил на пустынной дороге далеко от Крайска. Одет был я приблизительно так, как подполковник Драчев, в поддевку и унты. В шапке от подкладки лежала письмо. Я побрил голову и прикрепил маленькие черные усы совершенно изменчивому наружному. Прямо в Чеку я зашел к Лесной, чтобы уговорить ее вернуться к Соне. Как я и ожидал, дома ее не оказалось. Лесная, не узнавший меня, вхлипала:

— Дочь гостит у родственников, когда вернется — неизвестно. Что передать?

— Низкий поклон от друга детства Васи! — ответил я и пошел своей дорогой.

Вечером я добрался до Белой горы, но не нашел лагеря на прежнем месте. Присел на обочину дороги, я развел из инвентаря костер, набрал котелок снега и вскипятил чай. Попив горячую воду, я услышал скрип тяжелых колес и выбежал на дорогу. Ко мне приближалась кирзовая поездка, на которой горы были нарисованы нехитрым красильским скретом. Свесы ноги в лаптях, на пояске сидел еще нестарый мужик с сосульками на бороде. Увидев меня, он вырвал из-за пазух обрез и исглаголил кринку:

— Прочь, не застроил! Меня не болиго ограбили!

— Ты зачем же это, дядька, вооружился? — нахмурившись спросил я. — Откуда будешь?

— Из Сосновки, — ответил он, нахмурив южно- и опустив обрез. — А ты кто?

— Да не бойся, я тебя не трону, — уверил я Куда-беда!

— В Крайск. Ты, слушаешь, не оттуда! Как там Красный?

— Тебя-то какие мужики?

— Любые подходят, лишь бы не трогали! В Сосновку вчера налетели, не поймешь какие.

— Мы... говорят... — защитники народной! И как начали те защитники грабить — только перья полетели. Нагрузки я подводил баражищком за быстрой из дома. Атаман ихний разъезжал на вороном коне. А войско у него, как из Новы каочега: и казаки, и козаки, и оркоты. Все гуторят по-разному, а грабят оди-наково.

Мужик дернулся вожжи. Я долго смотрел ему вслед.

Итак, банда Степанка в Сосновке. Тридцать верст по проселку!

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Рассвело, когда я вошел в деревню. В стеклянном воздухе висели белые дымки. Возле лага, приподнявшего к плывущим туманам. Около пятиэтажного, крытого железом дома я увидел часового, с изображением, что здесь находится штаб. Часовой — огромного роста казак в мозговой папахе — шагнул мне на встречу:

— Чего надот?

— Хочу видеть господина Степанка.

— Какой он тебе господин? — проворчал казак. — Он верховный командующий армией! Нельзя к нему.

— Почему?

— Ты меня ще слытай!.. — грозно сказал часовщик, наклонив штык. — Я те сей минут отвечу!

Покачав плачами, я хотел отойти. В это время рядом зазвучал чей-то приятный тенор:

— Господина командующего изволите спрашивать?

Ко мне приближался странный человек, на которого нельзя было смотреть без удивления. Голова его, покрашенная голубым шарфом, казалась необыкновенно большой в сравнении с крохотным щуплым телом. Обут он был в белые сапоги с желтыми отворотами, как будто взятые напротив из театральной костюмерной. Суточные изображения его подражали ежесекундно меняя выражение. На поясу у этого чудака висели три гранаты и огромная белая куртка.

— Да, мне нужен Анисим Акинфович Степанки! — сдержанно ответил я. — Но с кем имею честь?

— Начальник политического отдела Осип Чернов, — выпятил грудь, важно отрекомендовал тенор. — Ваша имя?

— Оно называло в письме, которое я должен передать в руки господину командующему! — ульялся я и подумал: «Это что еще за штука?»

— Прощай!

Вслед за ним я вошел в дом. В большой комнате, где вся обстановка состояла из стола и двух скамеек, я увидел невысокого мужчина, одетого в серый, военный покоряющий kostюм. Мужчина был чисто выбрит, прическа на косой пробор, надежен одеколоном и вообще имел весьма цивилизованный вид. Увидев меня, он поднял брови и картино отставил тонкую ногу в лакированном сапоге. Чернов шепнул ему что-то. — Красный! — воскликнулся на меня Степаня. — Да вайте письмо!

Я сел на лавку, не торопясь снял шапку и попросил нож. Распоров подкладку, я вынула сложенную гармошку палисанрованной бумаги. Командующий ядрою прочитал письмо, порвал и, не меняя мрачного и подозрительного выражения лица, обратился ко мне:

— Рад видеть вас! Что касается ответа, то его я получите, как только я проконсультируюсь с членами автономного бирского правительства!

— Но что... — чуть было не выпрыгнуло у меня из горла, — я не могу сидеть. О каком правительстве идет речь? Словно подслушав мои мысли, Степаня сказал:

— Вижу недовольство на вашем лице, подполковники! Но потерпите, вам все станет ясно! Осип! — покосился он на Чернова. — Свади подполковника позавтракать и пошли, кого-нибудь за министрами.

Он так легко произнес это слово, в так запечатленной форме, что я на секунду усомнился, уж не шутят ли он с похмелья. Но не шутят.

Хлеба вкусные, наливастые щи в суповой сваечке, куда привел меня Чернов, я разговорился с денищиком, который мне прислуживал. Оказывается, усыпанные Степаня было создано так называемое «правительство» Алтая, в которое вошли визитные алтайские князья-зайсаны, богатые скотопромышленники и несколько политических авантюристов, называющих себя «депутатами» от местной

национальной партии... В скором времени мне представляло блоке познакомиться с этим сбродом.

За мной явился Осип Чернов.

— Вам разрешено присутствовать на заседании кабинета — провозгласил он торжественно, но почему-то с ухмылкой.

В комнате было накурено. Я огляделся. На лавках сидело человек двадцать. У окна разместился адвокат в беретах шапках, расшитых шнуром и драпированых складками, с красными широкими поясами. В одном из окон отворят узила Тимиря, минного пастуха, который, как выяснилось позже, оказался самым злым Аппаламысовым! Сердце у меня упало... Рядом с забытыми ерзали на скамье какие-то бледные, истощенные господа в потертых сюртуках и измятых манишках, похожие на присяжных поверенных... Кресло председателя занимал Степняк.

Я присел у двери и, сгорая от любопытства, приготовился слушать. Но ничего интересного не произошло. Каждый из членов правительства говорил очень быстро. Как я понял, они были созданы явно для форума, чтобы соблюсти какое-то подобие «демократии». Господа Соболевский! Я бы подумал, что М-...! Я кончил, господи! — Он поспешно сел, испуганно посмотрев на неожиданно побагровевшего командующего.

— Больше вопросов нет? — помолчав, спросил Степняк. — Заседание объявляю закрытым!

— Господин подполковник! — обратился я к нему. — Письмо было готово к утру. Прошу пожаловать ко мне из ужин. А пока извините, если призываю! — Он щелкнул каблучками и вышел.

На крыльце я увидел адвоката, который наезжал Соболевского, — политика демократии. Принесла облезлая команьша шапку, он заглянул мне в лицо.

— Позерьте, я ничего не имею против лично его высокопреосвященства, — начал он. — Но, согласитесь, ведь мы должны быть верны своей политической платформе! Если мы правительство республиканское, разве можем нам солидаризироваться с монархистами?

«Депутат» вызвал меня на спор. Но я только спросил:

— Какова же платформа у вашей национальной партии, господин министр?

— Изгнание из пределов Азии большевиков! — быстро отвял адвокат. — Образование независимой и суверенной республики во главе с парламентом. Полной и категоричекой отделение от России! Внешнеполитическая ориентация на Запад, который, несомненно, окажет нам моральную и материальную поддержку...

— Ну, а по другим вопросам какая у вас программа? — спросил я для вида.

Если говорить об основных идеях программы, то... — Он проторя пенсне. — Окрупненный, отсталый народ! Кочевники! Такими они будут и через триста лет. Бессмысленно думать о каких бы то ни было преобразованиях в этом диком kraю...

— Блестящая программа! — «восточился» я, испытывая желание взглянуть этого «депутата» за ширмой и поддать ему хорошего пинка. Но обстоятельства заставили меня поступить иначе. Вежливо простились с разговорчивым «депутатом», я пошел по центральной улице села.

Минно сновали пыльные казаки в распахнутых шинелях, хмурые мужчины. Никто не обращал на меня внимания. Вдруг я остановился как вкопанный. Навстречу шла Соня. С самого утра я думал о том, как мне держаться с нею, но сейчас из неожиданности потерял дар речи. Она была в белом тулупчике, стянутом широким кожаным ремнем, и в новеньких белых бурках. Ее лицо раскраснелось на морозе. Еда не налетела на меня, она проромбомала: «Извините!» — и, не узнав, прошла мимо. Но через несколько шагов обернулась. Взгляд

ее выражало мучительное желание что-то вспомнить...

— Федор!

— Здравствуй, Соня! — тихо сказал я, — Пойдем отсюда, на нас могут обратить внимание...

Она гневно свирепела глазами, но промолчала. Мы пересекли двор, где сунулись жестокие, как фенрир, белье, вошли в набор. В сени пахло кислой капустой и куриными пометом. Плотно прикрыта дверь маленькой комнаты с подсдевчатым окном, Соня сорвала с пышных золотых волос аккуратную барышню шапку и сухо сказала:

— Зачем вы пришли?

— Чтобы увидеть вас, Соня! — Эти слова вырывались у меня прежде, чем я успел обдумывать ответ.

— Я пришла — вспыхнула я до самых ушей.

— Я думал о вас все эти дни, — сказала убеждая себя, что говорить так нужно во имя той самой воинской хитрости, о которой твердила Волошин. — Мне горько, что так велико расстояние между нами, что вы... так заблуждаетесь! Неужели вам непонятно, Соня, на чьей стороне правда?

— Замолите! — крикнула девушка. — Чего вы хотите от меня?

— Хочу, чтобы вы... Чтобы ты была вместе со мной!

В эту минуту я верил, что мое желание сбудется.

Девушка смотрела на меня с мольбой, словно прося разрешить ее сомнения. Я чувствовал, что она настроена уже далеко не враждебно по отношению ко мне и готова слушать меня.

— Поехать со мной! — в упор спросил я ее.

— Да! — помедлив, ответила она и отвернулась.

В сенях послышались шаги. Раздался стук.

— Сонечка, ты дома?

— Это Костя Мешков! — шепнула она. У входившего было молодое лицо с румяными щеками и дерзким взглядом. Увидев меня, он оторвал.

— Рад познакомиться. Прялородия Мешков, — приветствовал молодой офицер.

— Очень приятно. Подполковник Драчев.

— Ах, это вы и есть посланец генерала Соболевского! Вас вызывает командующий.

— Благодарю!

Мешков поспешно вышел из комнаты. Сона смотрела на меня с изумлением.

— Подполковник! Посланец генерала? Знаете, вы просто шпион! И вовсе не из-за меня сюда приехали!

— Нет, Соня! Если бы здесь не было вас, под именем Драчева сюда вместо меня пришел бы другой человек...

Девушка прищурила глаза и устремила на меня пронзительный взгляд. Я тихо сказал:

— Помоги мне достать адреса и фамилии заговорщиков, находящихся в Крайске.

Она молчала. Я надел поддаки и вышел.

На улице было морозно. Ветер перехватывал дыхание. Но, вероятно, оттого, что я лихорадочно обдумывал возможные варианты своего плана действий, путь до штаба показался мне слишком коротким. Еще в сенях я услышал звуки гармошки, звон бутылок и пьяные голоса. Степняк ушёл пурговать. Он был в наушниках на плече кителе, из-под которого виднелась белая сорочка.

— Отоздали, подполковник! Штрафную! — самодовольной улыбкой встретил меня атаман.

Я выпил рюмку противного, вонючего самогоня и огляделся. За столом не было ни одного «депутата». Здесь сидели мужчины с крепкими бритыми затылками и обветренными лицами, в которых сразу можно было угадать кадровых военных.

Я приподнял скамью к Степняку и осторожно на него наступил.

— Мне пора уезжать, Анисим Акинфович! Не посоветуете, у кого можно остановиться в Крайске? Там есть у вас надежные люди?

«Командующий» хотел ответить, но в этот момент к нему подошел Осип Чернов и что-то тихо запептал.

— Подполковник Драчев... — донеслось до меня.

Почувствовав недобное, я встал и хотел выйти. Но часовые, повинувшись знаку Степника, скрестили щитки.

— В чем дело? — притворился я удивленным.

— Просу вас подойти, господин подполковник! — сказал Степник. Лицо его вдруг налилось кровью. Он оглушительно стукнул кулаком по столу и закричал:

— Большевик! Шантажист!

Потом покачнулся стул. Зазвенела рокировка. Кто-то подошел Алламисов, отодвинь от этого раз не в национальный костюм, а в форму пехотного капитана. Он насмешливо оглядел меня и, притянув руку, оторвал мои усы.

— Большой зверь прибежал! — удовлетворенно сказал зайсан. — Сам председатель Федя!

— Уведите! — приказал Степник. — Потом допросим!

Меня схватили под руки два казака. На крыльце я увидел белое, как снег, лицо Сони и невольно подумал: «Неужели это она видела меня?» Ни один человек здесь не знал об мне! И я испомнился «вдруг» циничной усмешкой:

— Сам, видите ли, такая Соня из пыльных офицерских на тропе расставала Артистка! Да, это она. Не моргнула глазом, пошла к Чернову и рассказала...

Я не заметил, как меня, связанный, заперли в темном сарае. Со скрежетом задвигнулся замок. И снова звон пронзил жгучие мысли: «Перед кем вдруг душу раскрыть?..! Как хладнокровно предала...»

Я сел и попытался трезво обдумать свое положение... Не новый, но прочный, из толстых досок сарай снаружи охранял вооруженный казак. О побеге ничего было и думать.

Невесело стало у меня на душе. В голову поплыли всевозможные мысли. Приводил к нему Егор Малинин доказывал Волошину о моей вине, и тот, нахмурясь, из дадой говорит: «Сам виноват, доверился белогвардейской дамочке, вот и поплатился жизнью...»

Мои размышления были прерваны звуками песни, которую неожиданно затянула часовой:

Ай да парень, парень бравый,

Приходи домой со спасой...

Слабый, тональный голос неуверенно выволовил мелодию. Отскакивая в стене щель, я увидел на фоне сумеречного звездного неба скользящий силуэт. Это был Егор Малинин. Волосы его шевелились, низко нахлобучившая на лоб, в длинном, широком полубичье, охвачивший меня солдат не выглядел стариком бравым, он скорее был похож на одногодка путника, заблудившегося в стени и больше всего мечтавшего о теплой печке... «Как же, новобранец!» — отметил я про себя.

Внезапно песенка обрывалась. Солдат вскочил, выпрыгивая, подхватил выскошившую из его рук винтовку. Снег звонко за скрипел, под чищимо-тижайшими шагами.

Ты где находишься, — подумал... — донесся до меня голос часового, — ты где находишься? Ты в гостях? Как попасть домой? Потди ремень? Шкуру с тебя спустят мало, щенок...

Снег снова заскрипел, стало тихо.

— Выходит, и за человека тебя господа офицеры не считают? — минуту спустя подал я голос и удивился собственному порыву. До этого я не собирался вступать в разговор с часовым. Но теперь, увидев его злое лицо, я интуитивно почувствовал, что этот человек, может быть, мой последний шанс на спасение...

— Неужто тебе охота солдатскую ляжку тянуть? — продолжая я, сдерживая дрожь в голосе. — Всескора. Пахать нужно, а в хозяйстве, наверно, кроме тебя, мужиков нет...

Да, конечно. Одного я не могу, не станет ждать пока господа отвоятся...

— Зачем же тебе за господ возвраты? — спросил я. — Большевики давно с войной покончили, земли мужикам раздадут, а ты против большевиков? Ты же против своих идей. Не пахаешь тебе дома-то...

— Покончили... — озадаченно пробормотал солдат. — А ты не брешешь, что эти... большевики землю дадут? Это как же, к примеру? Не ужто даром?

— Пойдем со мной в Крайск! — предложил я. — Там на месте сам во всем убедишься!

Парень невесело хмыкнул:

— Ишь что придумал! А поймают — к стенке рядом с тобой поставят...

— Чудак! Ты сам к стенке сможешь поставить, — сказала я, прижав лицо к щели, начав шептать новобрачному слова, которых сейчас не могу вспомнить. Но знаю, что никогда еще не говорила так проникновенно и убедительно как в эту полночьную ночь.

Лешку сбила представить, что я пережига, услышав ответ часового:

— Ладно! Самому мне с тобой нельзя... Семья у меня здесь, в деревне. Убытий их всех без разговору... Но тебе, так и быть, отпуши... Авось, зачестит мне на том свете от спасения доброй души...

— Почему на том? На этом свете все зачестят, братишко — задыхаясь, прощентя я. Часовой приблизил лицо к щели:

— Ты просись у разводящего на двор выйти. Я его сейчас кликну.

Заскрипел снег. Через несколько минут часовой вернулся в сопровождении рослого казака.

Через него — хмурая спросил он и, услышав мою просьбу, лениво нахмурился новобрачцу: «Пущай идет. Да гляди за ним, пожайл!

— Так точно!

Когда разводящий скрылся, часовой отпер замок и проводил меня в угол двора. Мы остановились под высоким забором.

— Ну, милюк, не зевай! — стучала зубами от страха, пробормотал паренек. — Сразу за забор, отверг. Ты сперва по нему беги, и у боревого колка алькоально спреши. Нах, дерхий! — У тебя из кармана наген и подади мне.

У огорода убитого подсоблял Вишня приговаривал, — Беги я для порядку стрелять буду, а казакам скажу, что ты к высоким подадись... Пустишь ишт!

«Перемахну через забор, я кубарем скатился на дно оврага и побежал по твердому, утрамбованому ветрами снегу.

В поздень я был далеко от села и решил выйти на дорогу. Вдаль показалась черная точка. Она быстро росла. Ко мне приближалась всадник. Он сидел в седле необычно, както боком. На нем была меховая шапка, полушубок, белые бурки. Вглядевшись как следуя в лицо, я увидел Георгия Сонина и тотчас же подумал: «Быть же это Георгий Сонин, ты спешишь в город, чтобы предупредить своих друзей об опасности... Нет, Соня! Судьба спрavedлива, она беспощадна к предателям...»

— Стой! — крикнул я, когда расстояние между нами сократилось до сотни метров. Скорее всего, пришла меня за что-то другое. Соня пригнулась к колесам коня и пустила его в карьер. Я прицелился в черного, с тонкими ногами скакуну и выстрелил. Владислав запрокинулся назад, словно на нее кто-то накинул петлю, и упал на дорогу. Испуганный конь с разбегом помчался обратно. Я подбежал к Соне.

Девушка лежала назнини, полуоткрытые застекленные губы. Из рта выпалла тонаинная струйка крови. Я нагнулся, взял раненую за плечи. Дрогнув, Соня открыла глаза. Недоумение, радость медленно разлились по ее лицу.

— Федя! Жи... А... я умираю...

— Ты предала меня!

— Я — Милье, добрые глаза ее с ужасом раскрылись... — Нет!... Что ты... Нет...

У нее не было сил говорить...

— Возьмись здесь... в полушибе... письмо... — прошептала она. Голова ее от荔枝木的肩膀上滑落下来, и оснувшись. Треснувшими руками в распластанной полушибе, нащупав в кармане платный конверт, разорвал... Не зеря глазам, я смотрел на мелко исписанный листок бумаги. Здесь были адреса и фамилии заговорщиков и другие ценные для нас сведения. Внизу я увидел прописку: «Федору Братченко грозят расстрел. Принимай самые строчные меры».

Шевелюмленный, я закрыл лицо руками и опустился на снег...

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Взяв Соню на руки, я понес ее в сторону от дороги. Лицо девушки стало очень строгим и совсем незнакомым. Взле одиночного холмика я остановился, прижавши губами к ее ледянику бубли. ...Затем засыпав свою беззинную жерту в снег и медленно двинувшись дальше. Я понимал, что мне необходимо как можно

скорее попасть в Крайск. Ведь это было 26 декабря, в воскресенье.

Прошло еще много времени, прежде чем на горизонте показались облезлые домики Крайска. Задыхаясь, я несся по пустынной дороге. Заставили себя думать о предстоящей схватке с часовым, но вспомнил Сонину и Сашу, к обстоятельствам ее неизвестной гибели... Скрип зубами, я пытаюсь найти ответ на мучивший меня вопрос: «А кто же предатель? Кто?» О том, что я отправлялся к Степнику, знали четверо: Волошин, Малинин, Колычев и Николаев. Подозревать Волошина я не мог. Значит, оставалась трое. Но за Лешку я был готов поручиться, как за себя... Николаев или Малинин? Кто из них? Егора я недолюбливал давно, а Николаева знал мало. Малинин открыто выступал против меня, а тот, кто явно выражает ненависть, не станет кусать из-за угла. А вот Николаев... Я вспомнил, как он во время старался меня поддерживать и вести:

— Рассказывай!

Слушаю меня, он беспокойно кривит карандашом:

— Вот как! Значит, враг даже к вам прошелся! Глаза его становились блеклыми и злымями, и я знал, что сейчас это уже не так важно. Заговорщики с минуты на минуту должны выступить. План наших действий необходимо держать в строгом секрете.

Он вызвал по телефону штаб полка:

— Красильников! Попроси командира. Товарищ Романик! Немедленно приведите полк в боевую готовность. Объзвите командирам: мы выступаем из города. Пусть подготовятся к переходу. Два взвода срочно пошлите к переворку.

Бросив трубку, Волошин позвал из приемной секретаря, рослого художественного парнишка.

— Сбегай на механический завод и в депо. Всех коммунистов с оружием — сюда. Всеми мою машину! — крикнул он вслед выбежавшему мулю.

Когда мы остались одни, Петр Андреевич сказал:

— Давай список. Обдумаем, как будем действовать...

С Сонином письме были называны фамилии и адреса шестнадцати организаторов заговора — его «верхушки». Эти люди командовали «плетерками», члены которых не знали друг друга: каждый был непосредственно связан со своим руководителем. Ликвидировав «верхушки», мы оставим организацию без головы. Остальные участники заговора неизвестны ни час, ни место, ни масштабы выступления. Среди руководителей оказалось знакомые и мне и Волошину лица: директор почты Национальный, бывший редактор «меневицкой» газеты Абрамов, депутат Совета бывший главный зер Рицкодз.

Кabinett вошел Романик, мухинка лет тридцати, со склонным лицом и строгими темными глазами. Волошин коротко обяснил ему, для чего понадобились два взвода.

Я зяньшился железнодорожниками. Секретарь партийной ячейки деда старый машинист, нахмурившись, выслушал Волошина и вышел отряд на улицу. Вскоре прибыли и рабочие-металлисты.

Романик послал в полк ординарца с запиской к коменданту. Вскоре из кабинета вышла команда, застывшая в окончании города.

Было темно, когда мы засыпали на скрипах города. Я решил погу с группой Волошина, состоявшей из двадцати вооруженных железнодорожников и отряда красноармейцев. Мород обижал лицо, от дыхания над нами клубился пар...

...Никто из шестнадцати не ушел. Мы застыли в их вражеских укреплениях, отдохнув, готовые к выступлению. Сопротивления никто не оказал. Заговорщики не ожидали разгрома в самый последний момент. Когда мы ворвались в квартиру к директору почты — это был маленький лысый человек с узенькими глазами, — он прижался к стене и беззвучно, как рыба, от-

крыпал и закрывал рот. В печке пылали бумаги. Я распахнула раскаленную дверцу, но на решетке уже осталась лишь кучка золы.

— Оружие есть?

— Есть! — покорно ответил хозяин и указал под ноги, где две доски были светлее остальных.

Волошин заглянул в подвал и увидел ящики с винтовками, пулеметами...

— Стой! — ядрущий жалезнодорожник, стоявший возле окна и выстригший два раза из пистолета, вспомнил во дворе. Чешская фура метнулась в забор и быстро исчезла в проломе. Выстрелила несколько раз вдогонку белогвардии, и вернулась в дом. На лице директора почты мелькнула ехидная улыбка.

— Радуетесь? — обратился я к нему. — Наслаждаетесь?

— Желаю успеха! — ответил хозяин. — Должен при этом заметить, что он был для вас нужнее, чем я!

О значении его фразы я узнал гораздо позже...

После руководителей снервировало до иллюзий участников заговора. Ошеломленные полными провалом организациями, командиры «плетеров» вели себя на допросах трусливо и старались свалить вину на других. Довольно быстро нам удалось установить адреса и фамилии всех интересовавших нас лиц. Приехал уже утром в Чеку, я посыпал николовку, Малинин и Лешку в курс дела, приказал им возглавить отряды рабочих и завершил операцию. Среди складов еще оставалось около ста участников заговора.

Помощники мои, казалось, никакого не удивлялись тому, что я так поздно сообщила им о случившемся. Николаев молча выслушал приказ и вышел. Лешка взял под козырек и горячко ответил:

— Есть! — На пороге обернулся, словно боясь, что я плохо его поняла, и добавил: — Быть выполнено!

А Малинин... Он перевел взгляд с меня на Волошина. Лицо его было полное сомнения, подозрительности. Видимо, он пытался угадать, почему мы действовали без него и что за этим кроется...

Но словно спохватившись, Егор опустил глаза и произнес:

— Слушаю!

Когда мы остались одни, Волошин сел на диван и стал сavorачивать цигарку.

— Почему Романюк молчит?

— Очевидно, на дорогах все тихо.

— Вот это меня и тревожит, — сказал Петр Андреевич. — Кто их знает, что они еще придумали?.. Не терпится поговорить с кем-нибудь из этих... Ну, хоть с директором почты. Он, кажется, самый словоизъятый.

— Ведите гражданина Нащокина! — открыл я дверь.

С минуту мы молча рассматривали толстого, спиртного перепуганного человека, который в первый час после ареста еще пытались привлекательно усаживаться и строить из себя героя, но, увидев, что арестованы все его соучастники, увал и сморщился, как детский шарик, из которого выпустили воздух. Он сидел, положив руки на колени и глядя на нас умоляюще. На вопросы отвечал торопливо, каменным языком приподнимаясь со стула. Постепенно мне становилось понятным все, что еще неизвестно было заговору.

— Кто убил Нозиков? — спросил я. — За что?

— То есть кто персонально выстрелил, мне неизвестно, — ответил Нащокин. — Но вообще дело в следующем. Господин Степняк передал нам от имени национального правительства требование немедленно добывать золото, хранившееся в банке. В его письме разъяснялось, что средства необходимы для плодотворной деятельности правительства, но мы это, откровенно говоря, не хотели. И вот, когда пришло тут ни при чем золото понадобилось самому Степняку, о котором ходили слухи как о человеке альчном и нечистом на духу. Однако слушаться было нельзя. К Лессингу обращаться за содействием было бесстыдно и опасно. Нам слишком хорошо был известен этот педантично честный человек. Попробовали действовать через старшего кассира, но тот неожиданно заявил о своей лояльности к большевикам. Пришлось его убрать...

— Таким образом все-таки похитили золото?

— Прапорщику Машкову удалось возвлечь в организацию doch господина Лессинга, свою невесту мадемузалью Софи. Она и передала Машкову ключи от хранилища, которые были ей затем возвращены...

— Федор, что с тобой? — с беспокойством спросил Волошин.

— Ничего, — ответил я, с силой проведя рукой по лицу, словно отгоняя видение. — Ничего!

— Мы с удовольствием выполним приказ Степняка, — продолжал директор почты, — ибо он был нам Караку.

— Какими образом? — поинтересовался Петр Андреевич.

— Очень просто! Мы рассчитывали, что, увлеченные поисками золота, чекисты не успеют нащупать нити заговора.

Мы с Волошином молча переглянулись. Нащокин говорил:

— Однако на другой день из вполне достоверных источников стало известно, что чекисты вели работу одновременно в двух направлениях, и уже узнали день нашего выступления. Тогда было решено срочно брать гостиницу Братченко.

— И Степняк подоспал Аллапомову?

— Совсеменно верно.

— Что же это за «достоверный источник»? — спросил Волошин.

— Ей-богу, не знаю! — ответил Нащокин. — Этот человек работает у вас. Занимает ответственный пост. Но он так строго законспирирован, что ни шестидесяти руководителей «плетеров» только одному была известна его подлинная фамилия.

— Кончай!

— Понятно не имею! Вообще я был мало информирован. Я не играл активной роли, поэтому... — привстал Нащокин.

— А кто прятался у вас на чердаке?

— До нынешнего вечера я его не видел. Явились часов в шесть, назвали пароль и от имени Степняка предложили выступить не в час ночи, и немедленно. Но я не успел сообщить оставшимся... Скажите, пожалуйста, — снова приподнялся директор почты, — может ли надеяться, что меня помилуют? Имейте в виду, я добровольно все рассказал, совершенно добровольно!

Трибунал, который будет вас судить, очевидно, примет это к сведению! — ответил Петр Андреевич. — Уведите арестованного!

— Вдруг стражи задрожали от взрывов. Поплыли беспорядочные выстрелы.

— Степняк, — спокойно сказал Волошин.

Мы вышли на улицу. Я сначала не мог понять, что происходит в городе. Красноармейцы отступали. По улице неслись комы без всадников коней, вооруженные рабочие-железнодорожники.

— Прощай! Я бегу в тюрьму. Арестованных необходимо отправить в Барнаул. Они нам еще пригодятся! — торопливо сказал Волошин и поклонил мне руку.

Спринув с крыльца, он попытался остановить толпу, выстроившуюся в воздухе, но безуспешно. Я потеряла его из виду. Часовы возле здания Чеки уже не было. Откуда-то до меня донесся рев мотора, и вскоре перед домом заторплился автомобиль. Водитель — молодой Романюк. В кабине рядом с Шофером сидел Красильников, Волошин выскочил с окровавленным лицом, без шапки. Он поглядел на меня воспаленными глазами:

— А, это ты! Где Волошин? Садись. Отступаем.

— Почему?

— Объясняю по дороге. Быстро. Обожди секунду, — попросил я и вернулся в кабину, за дверьми которой Волошин сжался в краине. Быстро выступил. Автомобиль, шмыгая на сажу, с обеих сторон в сторону, пошел по направлению к базарной площади. Красильников ярко жевал папиросу.

— В город с ходу ворвались части Васильева, — сказал командир полка. — Дивизия с орудиями и броневиками. На станции для бронепоезда белые. В последний момент я получил депешу из штаба армии. На Васильева наступают подразделения Красной Армии и белогвардейцы в районе Красной Глинки, в южной части краинской границы. Наш Красный и попался и на них. Принимать бой нет смысла. Здесь, через две дни наши будут. Получен приказ потерять не настичь. Отступить в стыль, перехватить. Больше суток вспахи в городе не задержим...

...Над моим уком раздался выстрел. Шофер уронил голову на руль. Машина вильнула в сторону. Красильников, вскочив, направил дымящийся маузер на Романюка. Тот успел склонить его руку на руль... На узкой улице с горючими эвакуациями зелеными, покосившимися на черепахами, броневиками...

(Окончание следует)

29 НОЯБРЯ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРАЗДНИК ЮГОСЛАВИИ —
ДЕНЬ РЕСПУБЛИКИ

ЗАКОН ДРУЖБЫ

...В один из дней нашего путешествия по Югославии, нуда мы, представители советской комсомольской печати, приехали по приглашению ЦК Народной молодежи ФНРЮ на съезд союзов.

Сегодня же идут в гости таборники.

Мы не слышали раньше этого слова. Однако все выяснилось очень быстро: таборник — по-румынски — и через несколько минут наша машина остановилась на берегу озера Блед, недалеко от которого виднелись стройные ряды белых замков Словении.

Хозяева лагеря были молодые учителя младших классов Словении. Они приехали сюда на двухнедельный семинар, чтобы обсудить проблемы пионерского движения и воспитания юношества.

Наш «европейский» приезд нарушил учебный план, предусмотренный на этот день. Но мы уверены, что юноши и девушки Словении это понимают.

Трудно пересказать все, что интересовало наших новых знакомых о Советском Союзе. Нас засыпали вопросами о жизни в стране, о народном хозяйстве и работе комсомола, об атомной электростанции и советской антарктической экспедиции. В свою очередь, хотели знать о жизни в Югославии, об условиях жизни своей страны, о том, какие большие изменения произошли в ней после освобождения.

Но это было видимо, и было бы интересно если бы дамский не возвестил, что горько замечь традиционный вечерний костер.

На этот раз он посвящался советской молодежи — обратившись к национальным пагодам. Пусть он будет настроям дружбы!

Когда мы устроились у костра, в круг высыпались юноши и девушки, большими темными глазами и вечерняя тишина наполнилась песней. Он пел и поглядывал, но слова песни звучали музейными и таинственными, как рассказы о героях партизанах Югославии и о Красной Армии, которая пришла к нам на помощь, чтобы полностью освободить Югославию от врага.

Закончив, он сел рядом с нами, а мы бурно зааплодировали и тут, как говорится, «оплощали». Все оставались в кругу, и я, не зная, что сказать, сидел в центре, но все слышали... мычанием. Заметив нашу растерянность, югославские друзья весело рассмеялись. Оказалось, что у каждого из нас есть свой круг друзей, который не опускается ночь, не нарушает тишины, не тревожит покоя окружающих... Можно только петь — вот так, тихо, вполголоса, а блеск глаз — вспыхнувших приятно вот таким небывалым способом...

Много песен было спето в этот вечер. Сербскую «Ночь» спели русские «Национальный фестиваль культуры и украинскую «Ревизора» — стога Днепр широрной».

Наконец настало время прощаться. Мы помчались машинами, и снова зазвала песня. На этот раз «Ночь» донесла по городу Днепр широрной».

Мы помчались машинами, и снова зазвала песня. На этот раз «Ночь» донесла по городу Днепр широрной». Когда она замолкла, раздались звонкие голоса:

Советскому Союзу, советской молодежи и ура! И вновь зазвала широрна подражательный всеми, прогремел над спящими деревнями, над застывшим гладьем озера и могучим эхом отозвался в горах, со вселенной.

А как же закон таборников? — спросил я девушку, которая громко всех кричала и бурно хлопала в ладоши.

— Закон таборников? — Она задумалась на мгновение и, показав рукой на темневшую в полуторакилометровом расстоянии гору, — Ну, вот там, — сказала она, — закон таборников, они обидятся. Закон таборников подчиняет закону друблы...

За время пребывания по стране у нас было много встреч с югославской молодежью. Мы беседовали с людьми разных профессий и разных национальностей. Разумеется, мы не могли не встретиться с югославским характером. Их роднило одно общее: всюду, куда бы мы ни приезжали, нас ждали радостные улыбки, приветливо сияющие глаза и крепкие, дружеские рукопожатия.

Ю. ВОРОНОВ
Фото автора.

На снимках справа: 1. Электростанция «Ябланица» на реке Неретве. После пуска всех агрегатов ее мощность будет равна трем четвертым мощности всей энергетики Югославии. Стартовая мощность в 1959 году — 2. За последние годы в Югославии значительно выросла судостроительная промышленность. На верфи «Стрела» построена первая судоверфь до 10 000 тонн. На Пироговке «Югославия», который вы видите на причале в порту Риеки, — крупное пассажирское морское судно, построенное для побережья Средиземного моря. 2. Югославская школа в одной из новых гимназий югославской столицы. Накануне выборов в парламент Югославии были избирательные бюллетени, на которых были неграмотными. Сейчас эта цифра сократилась наполовину. Число школ по сравнению с 1959 годом увеличилось в два раза, число учащих — более чем втрое.

Абсолютные победители олимпиады (слева направо): В. Красильников, А. Ярускин, П. Головков, В. Горбунов, А. Кургинян, Н. Торгулыан.

ИТОГИ III ШАХМАТНОЙ ОЛИМПИАДЫ «СМЕНЫ»

Закончилась III шахматная олимпиада «Смены». По итогам соревнований с двумя победами абсолютными она оказалась наиболее массовой. В ней приняли участие 2670 человек из 113 стран национальностей, приехавших из всех краев и областей страны, а также из стран дальнего зарубежья.

В заключительном разделе по приглашению редакции прислали поздравления генеральный секретарь Аргентины Антиохиа Идели и Швейцарии Москва, в дни VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов.

Среди участников III олимпиады «Смены» люди различных профессий и специальностей — строители и механизаторы, инженеры-изобретатели, врачи, врачи и гигиенисты, педагоги и воспитатели.

Редакция благодарит любителей шахмат за активное участие в олимпиаде и горячо поздравляет победителей.

Рассмотрим все материалы, поступившие на олимпиаду, которые приведены в таблице:

по первому разряду	256,
по второму	160,
по третьему	111,
по четвертому	50 — и по шестому — 72, по пятому — 50 и по шестому — 38 членов журнала.

По результатам классификационных турниров олимпиады 10 908 любителям шахмат присуждены золотые медали, а 1 060 особо отличившимся — четвертый. Всем им будет высшая классификационная удостоверение.

АБСОЛЮТНЫЕ ПОБЕДИТЕЛИ:

Балентин Красильников, инженер-конструктор завода «Северный коммунар» (г. Вологда), 113 баллов из 120 возможных.

Александр Ярускин, директор школы № 133 города Барнаул, имени Хрущева, Верхнебарнаульского района, Харесонской области, 113 баллов из 120 возможных.

Петр Головин, старший техник-лейтенант Военно-Морского флота (г. Кронstadt), 110 баллов.

Валентин Горбунов, рабочий липецкого завода (г. Воронеж), 109 баллов.

Александр Кургинян, инженер-исследователь института «Дальэнергомаш», Горьковской области, — 106 баллов.

Михаил Георгиевич Попов, юрист (г. Сорбон), — 106 баллов.

Николай Торгулыан, «Правда-горняк» (г. Щекинберг), — 106 баллов.

ПРИЗЕРЫ

Туган Сарсенбеков, педагог (ст. Аткасар, Акмолинской области), Михаил Николаевич Капустин, учитель (г. Алма-Ата), и Юрий Сиверин, студент-медик (г. Алма-Ата), — по 105 баллов; Георгий Герман, педагог (г. Днепропетровск), — 106 баллов; Влади-

мир Гурвич, солдат Советской Армии, — 104 балла;

Сергей Шарипов, инженер (г. Казань), — 103 балла; Иосиф Саргсян, студент (г. Вильнюс), — 100 баллов; Альбрехт, научный работник Томского университета, Эдуард Вальцинчик, слушающий курса по медицине в Томском университете, — 99 баллов; Аюон Меладзе, учащийся (г. Тбилиси). Гулиа Мамадашвили, студентка грузинского Дили-Давидзхайса (Грузия), и Николай Смирнов, подполковник (г. Карачи, Пакистан), — 98 баллов; Игорь Пентешин, учащийся (г. Черновцы), — 94 балла; Григорий Тимофеев, студент (г. Одесса), — 93 балла; Эдуард Миндурдзин, студент (г. Тбилиси), и Николай Барченко, сельский врач (село Хомутек, Полтавской области), — 92 балла; Виктор Мельниченко, учащийся (Преславская область), — по 90 баллов.

Абсолютные победители и призеры олимпиады, согласно объявленным условиям, получат золотые медали, серебряные — премии за шахматную литературу. По общему количеству баллов победителей олимпиады присуждены дипломы.

Третий шахматной

олимпиады журнала «Смена»: гроссмейстер С. Смирин, мастер Л. Сарамонов, мастера С. Смирин, С. Смирин, мастер Л. Сарамонов, мастер А. Чистяков, мастер шахматной олимпиады Л. Загоруйко.

Юрий Гурвич, солдат Советской Армии, — 104 балла; Сержан Шарипов, инженер (г. Казань), — 103 балла; Иосиф Саргсян, студент (г. Вильнюс), — 100 баллов; Альбрехт, научный работник Томского университета, Эдуард Вальцинчик, слушающий курса по медицине в Томском университете, — 99 баллов; Аюон Меладзе, учащийся (г. Тбилиси). Гулиа Мамадашвили, студентка грузинского Дили-Давидзхайса (Грузия), и Николай Смирнов, подполковник (г. Карачи, Пакистан), — 98 баллов; Игорь Пентешин, учащийся (г. Черновцы), — 94 балла; Григорий Тимофеев, студент (г. Одесса), — 93 балла; Эдуард Миндурдзин, студент (г. Тбилиси), и Николай Барченко, сельский врач (село Хомутек, Полтавской области), — 92 балла; Виктор Мельниченко, учащийся (Преславская область), — по 90 баллов.

Абсолютные победители и призеры олимпиады, согласно объявленным условиям, получат золотые медали, серебряные — премии за шахматную литературу. По общему количеству баллов победителей олимпиады присуждены дипломы.

Третий шахматной олимпиады журнала «Смена»: гроссмейстер С. Смирин, мастер Л. Сарамонов, мастер А. Чистяков, мастер шахматной олимпиады Л. Загоруйко.

Чтобы завести двигатель, нужно надать лицо открытым вентилям, а затем на простом «самолете».

Скорость и торможение регулируются движением четырех рукояток «головы» мотороллера «Малютка».

Мотороллер «Малютка» предложен для использования мальчиками. Научиться ездить на нем очень легко, не труднее, чем на обычном двухколесном велосипеде.

Чтобы завести двигатель, нужно надать лицо открытым вентилям, а затем на простом «самолете».

Скорость и торможение регулируются движением четырех рукояток «головы» мотороллера «Малютка».

Первая страница обложки: «Комсомолец Гергия Цицианова» (рук. Ю. Козырева, «Правда» ССР). Цицианов учится в военном училище и много занимается спортом. В дни VI Всемирного фестиваля он участвовал в конных соревнованиях, а также в состязаниях по стрельбе из лука. Фото Е. Халилова.

Четвертая страница обложки: Фото В. Тюниселя (см. заметку «Мотороллер «Малютка»).

Первая страница обложки: «Комсомолец Гергия Цицианова» (рук. Ю. Козырева, «Правда» ССР). Цицианов учится в военном училище и много занимается спортом. В дни VI Всемирного фестиваля он участвовал в конных соревнованиях, а также в состязаниях по стрельбе из лука. Фото Е. Халилова.

Четвертая страница обложки: Фото В. Тюниселя (см. заметку «Мотороллер «Малютка»).

О ВОСПИТАНИИ

Внешняя красота еще драгоценнее, когда примеряетя внутреннюю. Книга, золотые застежки которой замыкают золотое содержание, приобретает особенное уважение.

В. ШЕКСПИР

Небрежность в сюжете свидетельствует о рас- слабленности духа, если только под этой небрежностью и расплывчатостью не скрывается дуличие.

М. СЕРВАНТЕС

Хорошие характеры, как и хорошие сочинения, не столько поражают вначале, сколько под конец.

ВОЛЬТЕР

Посейте поступок — и вы понимете привычку, по- сеите привычку — и вы понимете характер, посейте характер — и вы понимете судьбу.

В. ТЕКЕРЕН

Сказала, что я не могу сделать усилие для того, чтобы податься от дурного поступка... это разве что, что привыкнуть себя в неможе, даже не животных, а вещей.

Л. ТОМСТОН

Красота вызывает нравственные достоинства; но без них красота в наше время существует только для глаз, а не для сердца.

В. БЕЛИНСКИЙ

Если бы ты всегда и везде, всю свою жизнь, оставался для людей только хорошим приятелем, славным вспомогателем, то ты бы привлекал бы твоих друзей. Когда ты чувствовал бы себя всем людям нужным, и это чувство сделало бы тебя... багатим душой.

Энай, что всегда приятнее отдать, чем взять...

М. ГОРЬКИЙ

Воспитание коллегиума должно быть соединено с воспитанием всесторонне развитого, широкомindedного человека, способного глубоко чувствовать, ясно мыслить, организовано действовать.

Н. КРУПСКАЯ

Счастье... в создании новой жизни, в борьбе за обновление и перестройку человека, ставшего ходячим символом эпохи социализма.

Н. ОСТРОВСКИЙ

ПЕРВЫЙ СНЕЖОК

Рисунок Н. Массина.

ДЕРЕВО-ЛЕС

Это дерево, относящееся к группе индийских смоковниц, известно под названием «бамбук». Оно интересно тем, что имеет ствол, покрытый гладкой, блестящей, бесперерывной, но удивительно число волнистых изгибов. Поверхность дерева, будто бы покрыта зеленой, почти непропоницаемой для дождя и ветровой пыли. Стволы дерева, имеющие все большую и большую площадь, несут на себе кроны местных эндемиков — цейлонцев.

На острове Цейлон, на-

пример, повадаются деревья, состоящие из 1 300 довольно толстых и 3 тысяч более тонких «стеблей». Это дерево, которое называют «бамбуком», имеет ствол, покрытый гладкой, блестящей, бесперерывной, но удивительно число волнистых изгибов. Поверхность дерева, будто бы покрыта зеленой, почти непропоницаемой для дождя и ветровой пыли. Стволы дерева, имеющие все большую и большую пло-

щадь, несут на себе кроны местных эндемиков — цейлонцев.

Б. Тихонов

Главный редактор М. А. Величко.

Оформление номера В. Урина.

Адрес редакции: Москва, 1-я улица Ямского поля, 28.

Тел. Д 3-34-24.

А 10348. Подписано в печати 22/XI 1957 г.

Формат бумаги 70×1080.

Изд. № 1469.

Знак № 2783.

Тираж 200 000 экз.

1,75 бум. л.—4,8 печ. л.

Орден Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Редколлегия: Г. Гуля, Е. Долматовский, Б. Егоров, И. Жулов, М. Луконин.

Технический редактор О. Шавова.

ТРОППЕЯ

Л. ХАЙЛОВ
из серии «Метростроевцы»
1. Смена. 2. в обеденный перерыв.
(Выставка «Москва социалистическая» 1957)

Цена номера
2 руб.

